

ПУШКИН * ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

2

ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1949

ПУШКИН

ТОМ ВТОРОЙ

1

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817—1825

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В ПОЗДНЕЙШИХ РЕДАКЦИЯХ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1994

ББК 84.5
П91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Переиздание Полного собрания сочинений приурочено к 200-летию
со дня рождения А. С. Пушкина,
осуществляется при содействии Комитета Российской Федерации по печати,
Российской московской телерадиовещательной компании «Москва»,
Российского акционерного общества «Газпром»,
банка «Огни Москвы».
С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А. С.
П91 Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 2 (кн. 1) / Художник С. Богачев. — М.: Воскресенье. 1994. — 568 с.: ил.

SBN 5-88525-057-6 (т. 2, кн. 1)

SBN 5-88528-052-5

Во второй том собрания сочинений входят стихотворения, написанные А. С. Пушкиным в 1817—1825 годах, а также лицейские стихотворения, переделанные в 1817—1829 годах и напечатанные Пушкиным.

П $\frac{4702010106 — 009}{К\ 56\ (03) — 94}$ Подписное **ББК 84.5**

ISBN 5-88525-057-6 (т. 2, кн. 1)

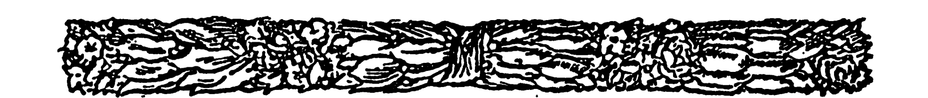
ISBN 5-88528-052-5

В настоящий том входят стихотворения, написанные в 1817 — 1825 годах. Кроме того, сюда включены лицейские стихотворения, переделанные в 1817—1829 гг. и напечатанные Пушкиным.

В редактировании стихотворений принимали участие Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, И. Н. Медведева и М. А. Цявловский. Редактор каждого стихотворения указан (инициалами имени и фамилии) в конце соответствующего примечания.

Переводы иноязычных текстов принадлежат Ю. Н. Верховскому.

Общий редактор тома М. А. Цявловский, контрольный рецензент Б. В. Томашевский.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817—1825

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕРЕДЕЛАННЫЕ В 1817—1829 ГОДАХ И НАПЕЧАТАННЫЕ ПУШКИНЫМ

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕРЕДЕЛАННЫЕ В 1817—1829 ГОДАХ И НАПЕЧАТАННЫЕ ПУШКИНЫМ

ЛИЦИНИЮ.

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь!... О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!»
— «Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
На век оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,

Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож, Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

СТАРИК.

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
На век прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

РОЗА.

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

ГРОБ АНАКРЕОНА.

Всё в таинственном молчаньи;
Холм оделся темнотой;
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!»
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся,
И за чашей отдыхай!

ПЕВЕЦ.

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали;
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

К МОРФЕЮ.

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

ДРУЗЬЯМ.

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и на зло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата
С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.

Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

ШИШКОВУ.

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте шепнувшей: ты поэт,—
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало
И сонные стихи в просонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Не долго снились мне мечтанья муз и славы;
И, строгим опытом невольно пробужден,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— Что ж нового? «Ей-богу, ничего».
— Эй, не хитри: ты верно что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».

К КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! —
Как дым исчез мой легкой дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но может быть вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

В. Л. ПУШКИНУ.

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

РАЗЛУКА.

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

СТИХОТВОРЕНИЯ
1817—1825

1817

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
Чем ты меня, мой милый, <- ->».

К ОГАРЕВОЙ,

КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТ ПРИСЛАЛ ПЛОДОВ ИЗ СВОЕГО САДУ.

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих садов.

Возможно всё тебе — Харита
Улыбкой Дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

ЭПИГРАММА.

<НА КАРАМЗИНА>

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

ТУРГЕНЕВУ.

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лености моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста *,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.—
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнассе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де-Лаваль;
Носят мучительное бремя
Пустых иль тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,

---

* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского — а *честнаго* и животворящаго.

Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден и пуст;
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

К ***.

Не спрашивай, за чем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
За чем на всё подъемлю взор угрюмый,
За чем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, за чем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткой миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Галлицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

К НЕЙ.

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки —
И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки...
Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И — слезы на глазах — со славою прощался!
Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!..

ВОЛЬНОСТЬ.

ОДА.

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? —
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье с высока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира.....
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает,
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигуллы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны
Идут убийцы потаенны.
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной....
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!...
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Не угрожай ленивцу молодому.
Безвременной кончины я не жду.
В венке любви к приюту гробовому
Не думав ни о чем, без робких слез иду.

Я мало жил, я наслаждался мало...
Но иногда цветы веселья рвал —
   Я жизни видел лишь начало

КРИВЦОВУ.

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкой пепел
В урны праздные пиров.

1818

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Не лицемерною хвалой!....

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он! вот Вакх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В черно кудрявых волосах...
Течет. Его младые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры —
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Во след за быстрой колесницей,
Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкою своей;
Тот оступившись упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.—
Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,

Несут недвижного Силена....
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной —
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным голосам.
Промчалися, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышут вожделеньем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастие лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались — по холмам и полям;
Махая тирсами несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

КН. ГОЛИЦЫНОЙ.

ПОСЫЛАЯ ЕЙ ОДУ «ВОЛЬНОСТЬ».

Простой воспитанник Природы,
Так я бывало воспевал
Мечту прекрасную Свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?... слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую Библию Харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве Шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел Пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шопотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
И скрылась ты прелестным привиденьем!
Жестокой друг! меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги.
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя. Здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе,—
Ты прав, творишь ты *для немногих,*
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО.

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

<НА КАЧЕНОВСКОГО.>

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

Могущий бог садов — паду перед тобой,
Прияп, ты, коему всё жертвует в природе<?>
Твой лик уродливый поставил я с мольбой
        [В моем смиренном огороде],

Не с тем, чтоб удалял ты своенравных коз
И пти[чек] от [плодов] и нежных <и> незрелых,
Тебя украсил <я> венком <из> диких роз
        При пляске поселян веселых

O Zauberei der ersten Liebe! . .
Wieland.

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.—
И для [меня] воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
[И сердца первая] любовь.

Любовник муз уединенный,
В с<ени пленительных> дубрав,
Я был свидетель умиленный
Ее [младенческих] забав.
Она цвела передо мною,
И <я> чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Еще неясные черты,
И мысль об ней одушевила
[Моей] цевницы первый звук
[И тайне сердце научила].

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья,—
Поверь, тогда б ты не питал
Не благодарного мечтанья!
Нет, нет! в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, исступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой!
Довольно я любил; отдайте мне покой!»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ.

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

К***.

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

И я слыхал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.
Но слушай — чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой <и> глубокой
Елей надежды не живит....
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться не желаю...

Как сладостно!... но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!...
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, [волшебный] разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
[Узнав тебя], блаженство я познал —
И счастие мое возненавидел.

СКАЗКИ.

NOËL.

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспóт.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, судáрь:
Вот бука, бука — русской царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российской,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Сопа — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Расплакался дитя:
«Неуж то в самом деле?
Неуж то не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Уснуть уж время наконец,
Ну, слушай же, как царь-отец
Рассказывает сказки».

ПРЕЛЕСТНИЦЕ.

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательную грудь!
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К ЧЕДАЕВУ.

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1819

Лаиса, я люблю твой смелый, [вольный] взор,
Неутолимый жар, открытые <?> желанья
И непрерывные лобзанья
И страсти полный разговор.
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги быстрые, живые

ЭЛЕГИЯ.

Воспоминаньем упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан
Меня воспламеняют ныне...
. . . .
. . . .

27 МАЯ 1819.

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили — и Венера с нами
Сидела прея за столом.
Когда ж вновь сядем в четвером
С б<. . . . . .>, вином и чубуками?

<НА СТУРДЗУ.>

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

<О. МАССОН.>

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцалуем сладострастья
[Ты, тревожа сердце в нас,]
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шопот
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

<МАНСУРОВУ.>

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый!
Вздохни — и рюмку выпей вдруг
За здравие Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И <. . . . .>.

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнию, томимый суетою,
[Я жажду] близ тебя, друг нежный, отдохнуть...
Ты помнишь, милая,— зарею наших лет,
    Младенцы, мы любить умели...
    Как быстро, [быстро] улетели
    <   >

  В кругу чужих, в немилой стороне,
  Я мало жил и наслаждался мало!
  И дней моих печальное начало
  Наскучило, давно постыло мне!
  К чему мне жизнь, я не рожден для счастья,
  [Для радостей], для дружбы, для забав,
                                  избежав,
  Я хладно пил из чаши сладо<страстья>.

ДОРИДА.

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые....
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

N. N.

<В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ>

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкой друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полу-больного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплётницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

ОРЛОВУ.

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русской генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верьхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов,
И буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей,
И брани громкой вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

К ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Надиньку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает,
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С младой монашинкой Цитеры.
По утру сладко дремлет он,
Читая листик *Инвалида;*
Весь день веселью посвящен,
А в ночь — вновь царствует Киприда.

И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, Шалостью, вином,
Покаместь молоды и здравы.
Но дни младые пролетят,
Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда — без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний,
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

ДЕРЕВНЯ.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в Истинне блаженство находить,
Свободною душой Закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой Мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор

Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь *Барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар,
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Нет, нет, напрасны ваши пени,
Я вас люблю, всё тот же я.
Дни наши, милые <друзья>,
Бегут как утренние тени,
[Как воды быстрого ручья].
Давно ли тайными судьбами
Нам жизни чаша подана!
Еще для нас она полна,
К ее краям прильнув устами,
Мы пьем восторги и любовь,
Для <?> нас<?> надежды, наслажденья,
<   >
Как новы   заблужденья!
Мы наслаждаемся, цветем,
Но память ищет оживляться<?>,
Но сердце   [тихим] сном
В минувшем любит забываться.

ДОМОВОМУ.

Поместья мирного незримый покровитель,
  Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикой садик мой
  И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра поздного осенние набеги;
    Да в пору благотворны снеги
    Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
    И от недружеского взора
    Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
    И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
    Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
    Прохладу лип и кленов шумный кров —
    Они знакомы вдохновенью.

<НА СТУРДЗУ.>

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.[1]

[1] *Дальнейший текст неизвестен.*

<ЮРЬЕВУ.>

Здорово, Юрьев имянинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынник
Осушит пенистый стакан.
Здорово, <Юрьев имянинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!>

Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, <рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!>

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здор<ово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель!>

РУСАЛКА.

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда Монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть Монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у брегов.

Глядит на старого Монаха
И чешет влажные власы.
Святой Монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.

Дубравы вновь оделись тьмою;
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует из дали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет Монаха, нежно стонет...
«Монах, Монах! Ко мне, ко мне!...»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты, гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

УЕДИНЕНИЕ.

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,[1]
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому Судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

[1] *В рукописном тексте:*

Вдали тиранов и невежд

ВЕСЕЛЫЙ ПИР.

Я люблю вечерний пир,
Где Веселье председатель,
А Свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя Свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют на яву
И в жизни любят перемену.
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное Безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И Глупость в золотых очках,
И тяжкой Знатности веселье,
И Скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держася моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют! — задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях Досуг;
А там египетские девы
Летают, вьются пред тобой;

Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей
И всё, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных Аргусов украдкой,
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Киприδой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?
А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?
Душа во след тебе стремится.
Где б ни был ты, возьми венок
Из рук младого Сладострастья
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.

Там у леска, за ближнею долиной,
Где весело теченье светлых струй,
Младой [Эдвин] прощался там с Алиной;
Я слышал их последний поцелуй.

Взошла луна — Алина там сидела,
И тягостно ее дышала грудь.
Взошла заря — Алина всё глядела
[Сквозь] белый пар на опустелый путь.

Там у ручья, под ивою прощальной,
Соседних сёл пастух ее видал,
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо созывал.

Прошли года — другой уж в половине;
И вижу я — вдали Эдвин идет.
Он шел грустя <?> к дубраве по долине,
Где весело <теченье светлых> вод.

Глядит Эдвин — [под ивою], где с милой
Прощался он, стоит святой чернец,
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

И в нем душа стеснилась вдруг от страха.
[Кто здесь сокрыт?] — читает надпись он —
Главой поник... упал к ногам монаха,
И слышал я его последний стон...

Всё призрак, суета,
    Всё дрянь и гадость;
Стакан и красота —
    Вот жизни радость.

Любовь и вино
Нам нужны равно;
Без них человек
Зевал бы весь век.

К ним лень еще прибавлю,
Лень с ими заодно;
[Любовь] я с нею славлю,
Она мне льет вино.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досуг,
Кому ты жертвуешь украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя Судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную дорогу.
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей....
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит.
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит.
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном наслажденьи
Ты мыслишь обмануть любовь.
Напрасно! — в самом упоеньи
Вздыхаешь и томишься вновь.

Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты,
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

<ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ.>

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын,*
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли —
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи — не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной? —
На всякой случай — ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский — *слава наших дней.*

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

<НА КОЛОСОВУ.>

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любови,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Напрасно, милый друг, я мыслил утаить
Обманутой [души] холодное волненье.
Ты поняла меня — проходит упоенье,
        Перестаю тебя любить... ...
[Исчезли навсегда часы очарованья,]
        Пора прекрасная прошла,
        Погасли юные желанья,
        Надежда в сердце умерла.

«Tien et mien, — dit Lafontaine —
Du monde a rompu le lien». —
Quant à moi, je n'en crois rien.
Que serait ce, ma Climène,
Si tu n'étais plus la *mienne,*
Si je n'étais plus le *tien?*

ПОСЛАНИЕ К КН. ГОРЧАКОВУ.

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг.
Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь и чувства и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья,
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законодатель,
Где Шепинг — царь, а скука — председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и сонным
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют, и молчат,
Крутят усы и шпорами бренчат
Да изредка с улыбкою зевают, —
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я бывало-острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья!..
И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
Попрежнему остряк небогомольный,
Попрежнему философ и шалун.

Недавно тихим вечерком
Пришел гулять я в рощу нашу
И там у речки под дубком
Увидел спящую Наташу.
Вы знаете, мои <друзья> <?>,
К Наташе подкра[вшись] <я>,
Поцеловал два раза <смело><?>,
Спокойно девица м<оя><?>
Во сне вздохнула, покраснела;
Я дал и третий <поцелуй><?>,
[Она проснуться не ж<елала><?>],
Тогда я ей <*нрзб.*>
И тут уже затр<епетала><?>.

1817—апрель 1820

ЛИЛЕ.

Лила, Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

МАДРИГАЛ М....ОЙ.

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее — узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

ИМЯНИНЫ.

Умножайте шум и радость;
Пойте песни в добрый час:
Дружба, Грация и Младость
Имянинницы у нас.
Между тем дитя крылато,
Вас приветствуя, друзья,
Втайне думает: когда-то
Имянинник буду я!

К. А. Б***.

Что можем на скоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё то же.

<В АЛЬБОМ СОСНИЦКОЙ.>

Вы съединить могли с холодностью сердечной
Чудесный жар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

<БАКУНИНОЙ.>

Напрасно воспевать мне ваши имянины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
За тем, что никогда не льзя быть вас милей.

<НА АРАКЧЕЕВА.>

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
Б<-----> грошевой солдат.

<НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.>

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

<НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ.>

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей, —
    Или поручиком Барковым, —
    Ах, он поручик! ах, злодей!

ДОБРЫЙ СОВЕТ.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и в вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отымем
Всё, что отымется у ней.

ТЫ И Я.

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я как смерть и тощ, и бледен.
Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякой день,
Тянешь вины на свободе,
И тебе не редко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажен за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

<ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ.>

Штабс-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Ты прав — несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный —
Он важно судит обо всем,
Всего он знает по немногу.
Люблю тебя, сосед Пахом —
Ты просто глуп, и слава богу.

<К ПОРТРЕТУ ДЕЛЬВИГА.>

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,
Что, коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

<К ПОРТРЕТУ ЧЕДАЕВА.>

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

1820

ДОРИДЕ.

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, Харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

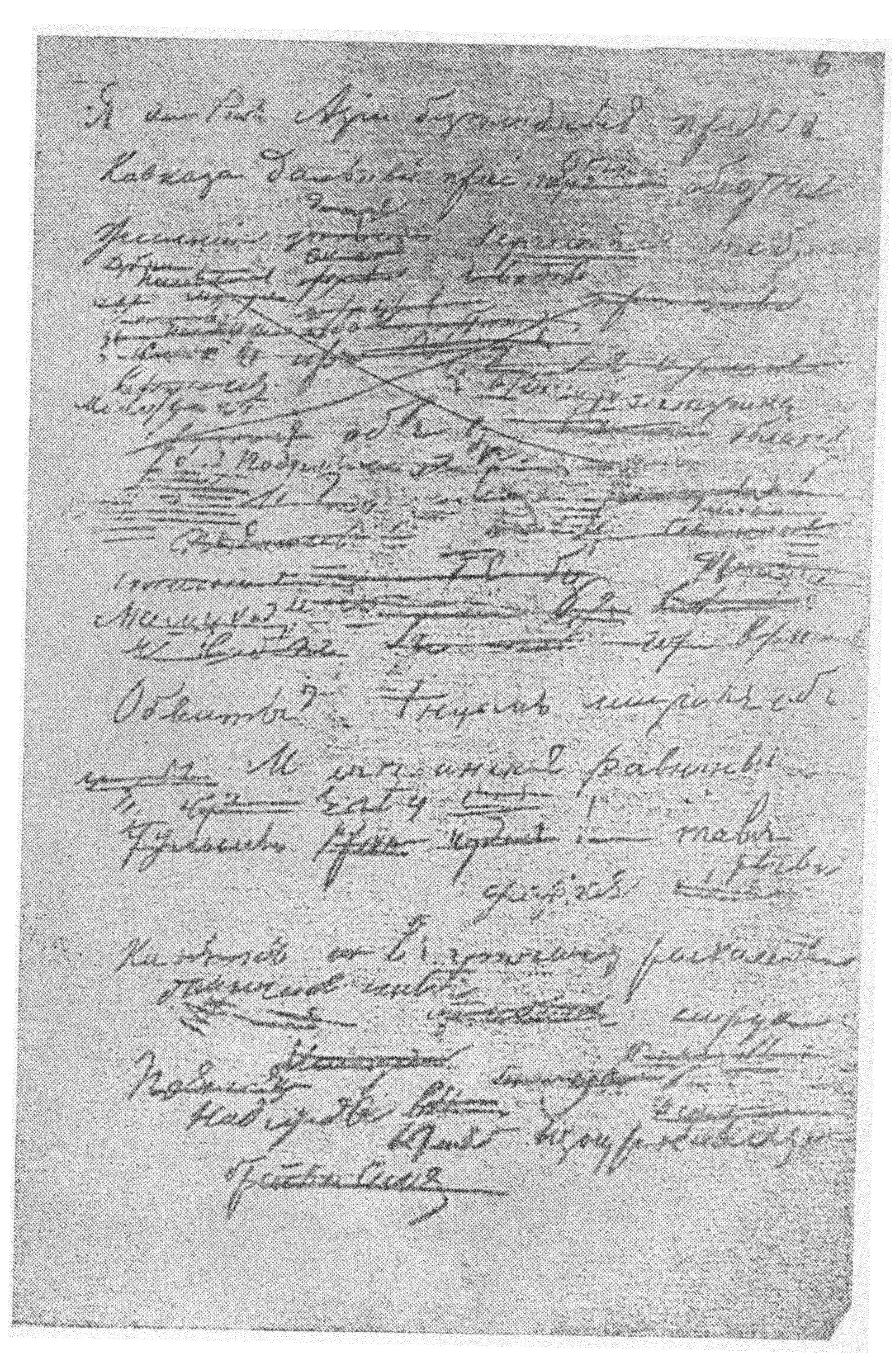
Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной Славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

ЮРЬЕВУ.

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы младой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг.
Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцалуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских,
На легких играх Терпсихоры
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивый,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой.
А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край, долины <?> обгорелы,
Жилище [дикое] черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
    И закубанские равнины!

[Ужасный край чудес]!.... там жаркие ручьи
    Кипят в утесах раскаленных,
    Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
  [Мой взор встречал] близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных сединах.

«Я видел Азии бесплодные пределы».
Черновой автограф.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград. Записи. кн. № 42, л. 6.

Аптеку позабудь ты для венков лавровых
И не мори больных, но усыпляй здоровых.

Увы! за чем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать....
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

К***.

Зачем безвремянную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,—
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной;

[Мне вас не жаль], неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,—
Мне вас не жаль, изменницы младые,—
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, [минуты] умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины?
[Где прежний жар] и слезы вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгарались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ.

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал —
Братоубийством изощренный....
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он, молча, над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар —
И лепет твой внимал, и не был чужд веселью...
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнию пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, восходила.

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО.

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя.»

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел....
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья.... текущую кровь....
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда б писать ты начал с дуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидишь в царствие небес.

<НА КАЧЕНОВСКОГО.>

Хаврониос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презреньи поседелый,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет Глупость.
Невежда глуп, зевая, скажет Ум.

Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну так! я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

ЭПИГРАММА.

<НА ГР. Ф. И. ТОЛСТОГО>

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь по не многу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу
Только что картежный вор.

НЕРЕИДА.

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1821

К.<нязь> Г — со мною [не знаком].
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в <нем>.
В сраженьи трус, в трахтире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слогая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни Муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном — и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

МУЗА.

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!...

ВОЙНА.

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений! —
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!... Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой Славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

ДЕЛЬВИГУ.

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на брегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Т<имковский> ахнет.
Теперь едва, едва дышу!
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.
К неверной Славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых б<----->.

<ИЗ ПИСЬМА К ГНЕДИЧУ.>

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Всё тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.
И Дружбе легкие посланья
Пишу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокой,
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера Музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для Муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны —
Он Музу битвой площадной
Не унижает пред народом;
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

Наперсница моих сердечных дум,
О ты, чей глас приятный и небрежный
Смирял порой [страстей] [порыв] мятежный
И веселил [порой] [унылый] ум,
О верная, задумчивая лира

КИНЖАЛ.

Лемносской бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия Позора и Обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адской луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И озираясь он трепещет,
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник Закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом Вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Всё так же <ль> осеняют своды
[Сей храм] [Парнасских] трех цариц?
Всё те же ль клики юных жриц?
Всё те же <ль> вьются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной Музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
Не верю! вновь она восстанет.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не <увянет>
Ее торжественный венец.
И для нее любовник<?> славы,
Наперсник важных Аонид<?>,
Младой Катенин воскресит
Эсхила гений величавый
И ей [порфиру] возвратит.

Я не люблю твоей Кори<ны>,
Скучны<?> любезности<?> картины.
В ней только слезы да печаль
[И] фразы госпожи де Сталь.
Милее мне жив<ая> <?> м<ладость> <?>,
Рассудок с сердцем пополам,
Приятной<?> лести жар<?> и сладость<?>,
И смелость едких эпиграм,
Веселость шуток и рассказов,
Воображенье, ум и вкус.
И для того, мой Б<езобразов> <?>,
К тебе

«Я не люблю твоей Корины».
Черновой автограф.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград. Записн. кн. № 42, л. 61.

«Хоть впрочем он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*».
— «Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!»

<В. Л. ДАВЫДОВУ.>

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками Аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукой князь....
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.—

На этих днях, [среди] собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном Птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, [я] липемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парна<ски> бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однакож гордый мой рассудок
Мое раска<янье> бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец<?>,— говорит,—
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай, как смешно!—

С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю Сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия [другая],
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократической халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей,
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаш<ей> причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

ДЕВА.

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал, она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг! я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастия, наперсники Судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И очи опустив не внемлет и не видит.

КАТЕНИНУ.

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги! смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной,
В часы печали томной,
Была ты предо мной
С лампадой и Мечтой. —
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И Музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный, легкой дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередою
< >[1]
Сокровища мои
На дне твоем таятся.
Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с Ленью примирил:
Она твоя подруга.
С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный...
Заветный твой кристал
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;

[1] *Здесь нехватает, вероятно, сорока четырех стихов.*

То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То Правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Но здесь, на лоне лени,
Я слышу нежны пени
Заботливых друзей...
Ужели их забуду,
Друзей души моей,
И им неверен буду?
Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хореи
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныние разлуки,
Всегдашние мечты,
Мои надежды, чувства
Без лести, без искусства
Бумаге передай...
Болтливостью небрежной
И ветреной и нежной
Их сердце утешай...

Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.

Когда же берег ада
На век меня возьмет,
Когда на век уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И на всегда покинешь
Поэта тихий дом...
Чедаев, друг мой милый,

Тебя возьмет унылый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет. —
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин. —
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

ХРИСТОС ВОСКРЕС.

Христос воскрес, моя Реввека!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой цалуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцалуй я не робея
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

ЧЕДАЕВУ.

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наровне.
Богини мира, вновь явились Музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но Дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный Судьбою,

И чувства — может быть спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды <при> звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с Судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я; но только, ради бога,
Гони ты Шепинга от нашего порога.

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят <и> блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
[Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный]?

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желания мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины,
Где [в тишине] простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Всё живо там, всё там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада...
И зрит пловец — могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?[1]

---

[1] *В последней незавершенной рукописной редакции четвертая строфа читается так:*

Когда луны сияет лик двурогой
И луч ее во мраке серебрит
Немой залив и [склон горы] отлогой
И хижину, где поздний огнь горит —
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит...
И в темноте, как призрак безобразный,
Стоит вельблюд, [вкуш⟨ая⟩] отдых праздный.

Раззевавшись от обедни,
К К<атакази> еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческой содом!
Подогнув под <----> ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой,—
Хромоногая кричит: —
М<аврогений> толсто<---> ый
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей.
И вотще ты пятишь гузно,
М<аврогений> мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Всё прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур.

Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишеневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил — <Фатима> это знала,
И каждый год ему детей она рожала —
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено.—
Фатима раз — (она в то время
Несла трехмесячное бремя,—
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная [жена]
Имеет прихоти то эти, <то> другие,
И, боже упаси, какие!)
Фатима говорит умильно муженьку:
„Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассу<док>,
Во мне так и горит желудок;
Я не спала всю ночь — и посмотри, душа,
Сегодня, верно, <я> совсем нехороша.
Всего мне [должно опасаться]:
Не смею даже почесаться,
Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленькой, красавец, мой дружочек,
Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек".
Мехмет [разнежился], собрался, завязал
В кушак тарелку жестяную,
Детей благословил, жену поцеловал
И мигом <?> в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел — зато в обратный путь
Пустился по горам, едва, едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Увидел он ручей,

Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень, и легкой <?> ветерок —
Всё нежило, всё говорило:
„Люби иль почивай!" — Люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило,
Хоть [он] и мог <?>.— Но спать! вот это мило —
Благоразумн<ей> и верней.—
За то Мехмет, как царь, уснул в долине;
Положим, что царям [приятно спать] дано
Под балдахином <на перине>,
Хоть это, впрочем, мудрено.

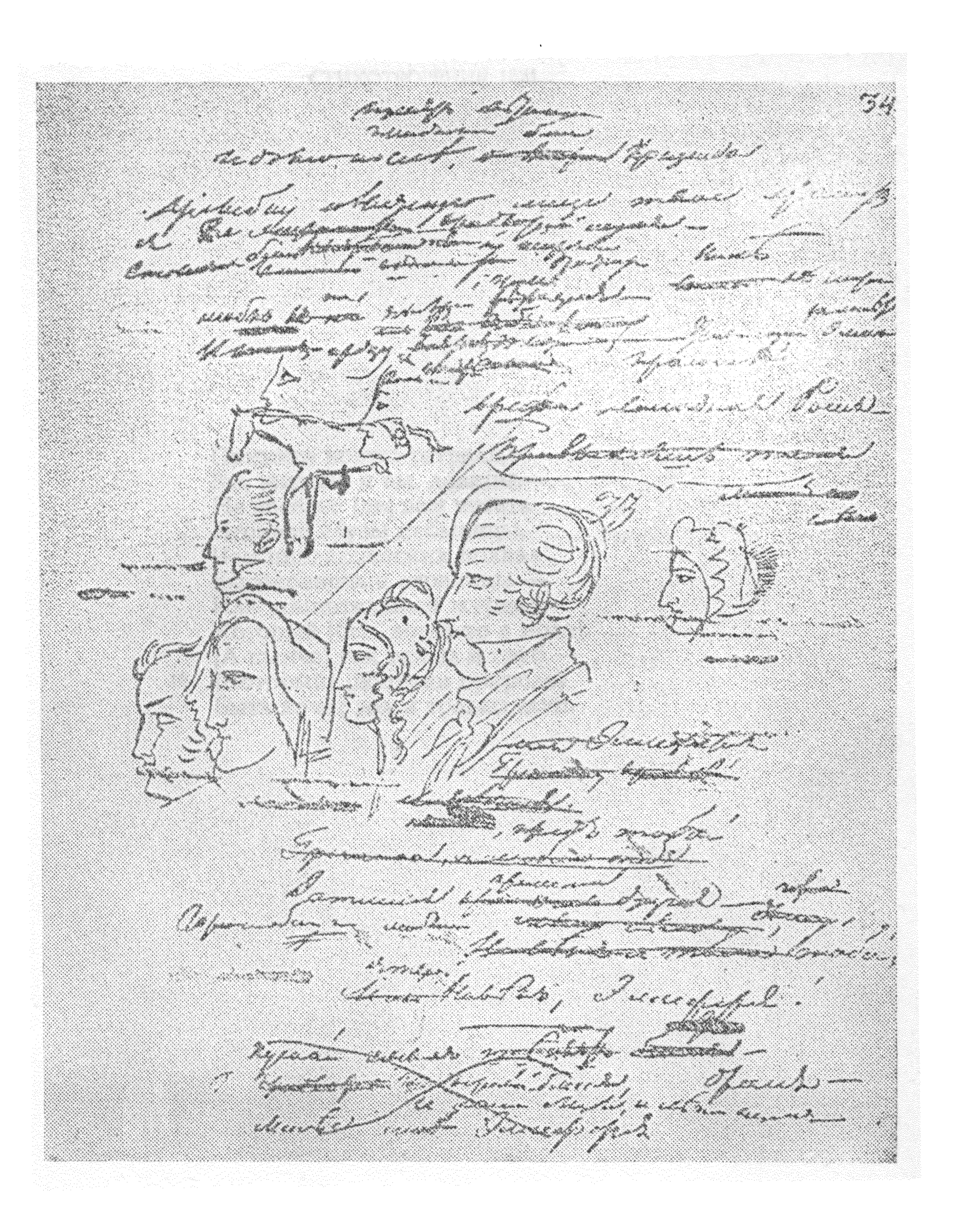
<ВЯЗЕМСКОМУ.>

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском [колких слов], и шутками богатый,
Счастливый В<яземский>, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Эллеферия, пред тобой
Затми<лись> прелести другие,
Горю тобой, я<?> [вечно] [твой].
Я твой на век, Эллеферия!

<Тебя> пугает света шум,
Придворный блеск   неприятен;
Люблю твой пылкий, правый<?>ум,
И сердцу голос твой понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей   красоте
Вредна холодная Россия.

«Эллеферия, пред тобой». Черновой автограф.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2365, л. 33.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы,—
Не веселее [ль] вам читать
Игривой Музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы —
Иль усыпительный журнал,
Который [был когда-то в моде],
[А нынче] так тяжел и груб,—
[Который] [вопреки природе]
Быть хочет зол и только глуп.

О вы, которые любили
Парнасса тайные цветы
И своевольные <мечты>
Вниманьем слабым наградили,
Спасите труд небрежный мой —
Под сенью   <покрова> <?>
От рук Невежества слепого,
От взоров Зависти косой.
Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал
И бешеной любви проказы
В архивах ада отыскал...

ДИОНЕЯ.

Хромид в тебя влюблен; он молод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
        И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

Если с нежной красотой
<Вы> чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжко помнить вам
Жертву [тайного] страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

<ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ.>

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный <?> снова <?> пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

[Я всё люблю язык страстей],
[Его пленительные] звуки
[Приятны мне, как глас друзей]
Во дни печальные разлуки.

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью —
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не [удивляйся], милый мой,
Ее израельскому платью —
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими [опасные] стихи.

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ.

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квирога!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишенев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

A son amant Eglé sans résistance
Avait cédé — mais lui pâle et perclus
Se démenait — enfin n'en pouvant plus
Tout essouflé tira... sa révérance, —
"Monsieur, — Eglé d'un ton plein d'arrogance,
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause?
Est-ce dégoût?" — Mon dieu, c'est autre chose. —
"Excès d'amour?" — Non, excès de respect.

ЭПИГРАММА.

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

J'ai possédé maîtresse honnête,
Je la servais comme il <lui> <?> faut,
Mais je n'ai point tourné de tête, —
Je n'ai jamais visé si haut.

Умолкну скоро я!... Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный...
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!...
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
  Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не в полне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
    Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
    Не занимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

ГРОБ ЮНОШИ.

. . . . .Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом его глубокой сон
И хлад могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также в нас умы;
Но погоди: приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А он увял во цвете лет,
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна быть может слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думою зовет...
К чему?...
Над ясными водами
Гробницы мирною семьей
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит...

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вкруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой...

Тадарашка в вас влюблен
    И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
    Род каких-то дрожек.
Нам приходит не легко;
    Как неосторожно!
Ох! на дрожках далеко
    Вам уехать можно.

НАПОЛЕОН.

Чудесный жребий совершился;
Угас великой человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн....
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила,
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.

В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!... (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.

Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Гречанка верная! не плачь,— он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем
Назначила кровавый Чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя [разлуку],
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил,
Но знамя черное Свободой восшумело.
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

К ОВИДИЮ.

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображеньи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И пó льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни Музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно Грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
„О возвратите мне священный град отцов

И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим,
И век мне не видать тебя, великой Рим,—
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!"
Чье сердце хладное, презревшее Харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло в тайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замечанный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И пó льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой...
Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —

Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.[1]

[1] *Вместо ст. 98—104 в беловом автографе было:*

Не славой — участью я равен был тебе.
Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести ни лиры непреклонной.

ПРИМЕТЫ.

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окны град — а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокой злак долин,
Услыша бури шум, не выдит на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

<НА КАЧЕНОВСКОГО.>

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

КОКЕТКЕ.

[И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?]
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — немногим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены верно надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Не к стати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
С начала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Всё хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно;
[Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар и грусть и ревность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.]
Когда мы клонимся к закату,

Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнию шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

ЭПИГРАММА.

<НА А. А. ДАВЫДОВУ.>

Оставя честь судьбе на произвол,
<Давыдова> <?>, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол.
И вдруг беда! казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет по немногу,
Вдруг лопнул он; что ж дама? — „Слава богу!
Всё к лучшему: вот новая дыра!"

ПРИЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий!
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

АЛЕКСЕЕВУ.

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
„Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?"
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.
Когда любовник исступленный.
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изьясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Клянет ревнивого супруга,
Или докучливую мать,—
Его безумным увереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
    Не жги свечей.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ.

Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня,
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти,—
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

1822

БАРАТЫНСКОМУ.

ИЗ БЕССАРАБИИ.

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев Муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя

БАРАТЫНСКОМУ.

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

<НА А. А. ДАВЫДОВУ.>

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее стращая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

<НА ЛАНОВА.>

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дождешься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей.

У Клариссы денег мало,
Ты богат — иди к венцу;
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

ДРУЗЬЯМ.

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так! Музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал;

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ.

Как ныне сбирается вещий Олег
   Отмстить неразумным хозарам,
Их селы и нивы за буйный набег
   Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса на встречу ему
   Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
   Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

„Скажи мне, кудесник, любимец богов,
   Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
   Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня".

„Волхвы не боятся могучих владык,
   А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
   И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
   Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
   Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
   В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
   Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
   Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
   То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
   И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
   С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
   Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
   В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
   В мой луг под устцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
   Водой ключевою поите".
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
   При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
   Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

„А где мой товарищ? — промолвил Олег: —
   Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
   Всё тот же ль он бурный, игривый?"
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
   И думает: „Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
   Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и до ныне носил бы меня".
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
   С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,

Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: „Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!"
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясской пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиан —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой,—
[К моей канурке] строгой
Приставил караул.
< >[1]
Невинной суеты <?>,
А именно — мараю
Небрежные черты,
Пишу каррикатуры,—
Знакомых столько лиц,—
Восточные фигуры
< . . . . . . > кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

[1] *Здесь не хватает четырех — пяти стихов.*

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ.

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился по немногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце всё пленяло.
Одного не доставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Всё равно — не доставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?... Помоги мне, бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно,—
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего, иль очень мало...
И того-то не бывало

У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных...
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных —
Им держал такой приказ:
„Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Чтó у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет,—
То — шутить я не привык —
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже".
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал востро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
„Провинись, жена моя!"
(Видно, сердцем были гневны).
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь — в совет;
Изложил там свой предмет:
Так и так — довольно ясно,
Тихо, шопотом, негласно,
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем — и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
„О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость

Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она? и чем сегодня?
Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело всё поправит:
А что надо — то и вставит".
— „Так за ней сейчас послать!"
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— „Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет,—
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю".

Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой —
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес
(Видно, вел его сам бес),
Видит он: в лесу избушка,
Ведьма в ней живет, старушка.
Как он был царев посол,
То к ней прямо и вошел,
Поклонился ведьме смело,
Изложил царево дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом всё смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так примолвив: „Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,
Только помни — чуть с рассветом".
После ведьма заперлась,
Уголечком запаслась,
Трое суток ворожила,

Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Всё отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно —
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
Нюхает — знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на сучьях сели
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — всё напрасно
(Видно кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,
А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшися дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
„Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:

Не могу их изловить!
Как же горю пособить?"
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
„Поступил ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно".
„Ну, спасибо!" он сказал...
И лишь только показал —
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних отговорок
Тотчас их под ключ все сорок
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой:
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок,
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?..

ТАВРИДА.

Gieb meine Jugend mir zurück

<I>

Ты вновь со мною, наслажденье;
[В душе] утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный —
Я [снова] посещаю [вас]...
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкой глас
Давно затерянного счастья.

Счастливый край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды

<II>

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкой взор
Следы ноги ее прелестной —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами,
Кропя их жгучими <?> [слезами <?>]

Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал [с таким] волненьем
Лобзать уста младых Цирцей
И перси, полные томленьем

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку <----->.

Один, один остался я.
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами —
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня.

<В. Ф. РАЕВСКОМУ.>

Не тем горжусь я, мой певец,
Что [привлекать] умел стихами
[Вниманье] [пламенных] [сердец],
Играя смехом и слезами,

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха <и> стыда,

Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил,

Что непреклонным <?> вдохновеньем
И бурной [юностью моей]
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей —

Иная, [высшая] [награда]
Была мне роком суждена —
[Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..]

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

ГРЕЧАНКЕ.

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальной стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

<ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ.>

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По прежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнаньи скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

<В. Ф. РАЕВСКОМУ.>

Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных Муз удел,
И наслажденья лени сонной,

Красы лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных Муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы,

Я знал любовь, не мрачною [тоской],
Не безнадежным заблужденьем,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но всё прошло! — остыла в сердце кровь,
В их наготе я ныне вижу
И свет и жизнь и дружбу и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкой лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив [пленительный] кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
   Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
   Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой,
   Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной <душой>
   Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой
   Языком Истинны [свободной],
Но для толпы ничтожной и глухой
   Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
   Везде злодей иль малодушный,
Тиран   льстец
   Иль предрассудков раб послушный.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Не редко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английской роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утратя в них, ищи ее с начала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,

Принять ответственность умеет на себя;
Полезной Истинне пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом.
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между Муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров,* столь чистый, благородный —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косой, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, ни мало не похвальный:
Парнасс не монастырь и не гарем печальный.
И право никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать Закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
За чем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.

Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер Истинну с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зерцало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел Отечество назвать,
И в рабстве ползали и люди, и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда Невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
Исправься ж: будь умней и примирися с нами.

„Всё правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю на удачу —
На всё есть мода, вкус; бывало, на пример,
У нас в большой чести Вентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети..."

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

ИНОСТРАНКЕ.

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкой сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных Муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полу-воздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Ф. Н. ГЛИНКЕ.

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный Гражданин!
Пускай Судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Д<авыдов>у совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Б<урц>овой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокой ментик за спиною
И кивер чудо набекрень.

АДЕЛЕ.

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали;
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена;
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

УЗНИК.

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

1823

<ИЗ ПИСЬМА К В. П. ГОРЧАКОВУ.>

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

ПТИЧКА.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

<Л. ПУШКИНУ.>

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы;
[Теперь ты юноша] — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений
И сладостных забот, и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь, в надежде торопливой,
[Зовешь, вверя<ясь> <им> <?>,] и дружбу и любовь.

[ЧИНОВНИК И ПОЭТ.]

«Куда вы? за город конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей Музою мечтать
Уединенно [и] беспечно?»
— Нет, я сбираюсь на базар,
Люблю базарное волненье,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стесненье.
Люблю толпу, лохмотья, шум —
И жадной черни [лай<?>] свободный.
«Так — наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья;
Но службы долг зовет меня,
Простите, [нам] не до гулянья».
— Куда ж? —
«В острог — сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
[За молдаванскую границу]
[Кирджали]».

«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосской, молению старца, погибнет
Ныне, ежели ты не предыдишь слепому вожатым».
Рек и сел на камне слепец утомленный.— Но следом
Три пастуха за ним, дети страны той пустынной,
Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались и думали: «Кто же
Сей белоглавый старик, одинокой, слепой — уж не бог ли?
Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо.»
Вот шаги он услышал, ухо клонит, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный. «Не бойся,
Ежели только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
Бог, покровитель Греции — столь величавая прелесть
Старость твою украшает,— вещали они незнакомцу; —
Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя [принесли]
К людям [дружелюбным]».

<М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ.>

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый Гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где [я] любил, где [чувство] развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Другой пускай поет [героев] и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину
И, чуждый призраку блистательныя славы,
[Вам], Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестной Музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом [озере], средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Сегодня я по утру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура,—
Тардиф, который Коленкура
И откормил, и обокрал,—
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги,—
Тардиф, умом неистощимый
На entre-mets, на пироги —

ЖАЛОБА.

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных —
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
[И душу] [бурную]
[Дремотой] [лени] усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ <свободы>?
Промчись поверх невольных вод.

НОЧЬ.

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...
твоя!..

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
[И вновь тебя зовут заманчивые волны].
[Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.]
Для неба дального, для [отдаленных] стран
[Оставим <берега>] Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный Океан.—

<ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ.>

Проклятый город Кишенев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут пламенея,
И пестрый дом Варфоломея
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишенев равнять не смею,
Я слишком с библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой не строгих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек,
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.—
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однакож кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель — пощади мой зад!

[Мое] беспечное незнанье
Лукавый<?> демон возмутил,
И он мое существованье
С своим на век соединил.
Я стал взирать [его глазами],
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором [ясным]
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
[И взор я бросил на] людей,
Увидел их надменных, низких,
[Жестоких] ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
[Жестокой], суетной, холодной,
[Смешон] [глас] правды благо<родны>й,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы воль<ный> клич!
Стадам не нужен дар свободы,
[Их должно резать или стричь],
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками <да бич>.

Бывало в сладком ослепленье
Я верил избр.<анным> душам,
Я мнил — их тай<ное> рожденье
Угодно [властным] небесам,
На них указывало мненье —
Едва приближился я к ним

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,—
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

Придет ужасный [час]... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих почиют мощи хладны.
Но я, дотоле твой поклонник безот<радный>,
В обитель скорбную сойду [я] за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых<?> ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать [печаль<но>]... [но чего?]
Чтоб силою   мечтанья моего

Вечѐрня отошла давно,
[Но в кельях тихо и] темно.
Уже и сам игумен строгой
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогой.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепе<щет>   луч лампады
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады.

И раздается в тишине
То тяжкой вздох, <то> шопот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом <чернец>
И грешник — неподвижны оба —
И шопот<?> их, как глас <из> <гроба<?>,
И грешник бледен, как мертвец.

М.<о н а х>.

Несчастный — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто в мщеньи<?> свирепея<?>
Лукаво грешника блюдет —
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! [время, время],
покров<?>
Я разрешу тебя — грехов
Сложи мучительное <бремя>.

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,—
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
На едине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?...
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?...
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полу-одета,
Зачем его должна ты принимать?...
Но я любим.... На едине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды.....

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замечанный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умиленьем:
Я славой был обязан ей —
А может быть и вдохновеньем.

Как наше сердце своенравно!
томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Всё впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

Т<уманский><?>, Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездит по Тавриде
И проповедует Парни.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело под час в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезит с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!......

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1824

Всё кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Всё кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану <вновь>,
Тебя тоской преследовать не буду,
Про<шедшее> быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

1.

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Владыка севера один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли,—

2.

И делу своему Владыка сам дивился.
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От сарско-сельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы.

3.

«Свершилось! молвил он. Давно ль народы мира
Паденье славили Великого Кумира,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

4.

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила Свобода,
И Самовластие лишь север укрывал?

5.

Давно ль — и где же вы, зиждители Свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав Природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —

Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии.
Цалуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу».

6.

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7.

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной Вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

8.

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

9.

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества и мощи,
Владыке полуночи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

10.

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русской в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

ДАВЫДОВУ.

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, славу богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились <цари>,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
[Свободы буря] подымалась.

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат,
И перед<?> ним<?> сердца застыли,
За власть<?> Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
[И безразлично, в их речах,]
Добро и зло, всё стало тенью —
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

КОРАБЛЮ.

Морей [красавец] окриленный!
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.
Ты, ветер, утренним дыханьем
Счаст<ливый> парус напрягай.
Ты   колыханьем
Ее груди не утомляй.

О боги мирные полей, дубров и гор,
Мой Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и Музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихой ветерок иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая

<НА ВОРОНЦОВА.>

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

<НА ВОРОНЦОВА.>

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Кот<орый><?> был<?> и генерал<?>,
И, положусь<?>, не про<ще><?> гр<афа>.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла — и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

<ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ.>

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловской приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

К ЯЗЫКОВУ.

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.—
Всегда гоним, теперь в изгнаньи
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит.
И наша троица прославит

Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ.

Книгопродавец.

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Не льзя ль узнать?

Поэт.

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;

За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец.

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец.

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил

Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферской трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт.

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?.....

Книгопродавец.

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать не льзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит

Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт.

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкой сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!..... душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?...
. . . .
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!...
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей!...

Книгопродавец.

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И Муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт.

Свободу.

Книгопродавец.

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истинне полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что Слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени Труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт.

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

К МОРЮ.

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

ГРАФУ ОЛИЗАРУ.

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То [наша] стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля [позор и]   плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
[И наша дева молодая,]
Привлекши сердце поляка,
[Отвергнет,] [гордостью пылая,]
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкою небесной
Земная ненависть <?> молчит,
При сладких <?> звуках вдохновенья,
При песнях   <лир>...
И восстают благословенья,
На племена<?> [ни]сходит мир....

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою,—
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором,—
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

<ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ.>

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень <был> того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.—
Теперь издай [меня], приятель,
[Плоды] пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа белешенька.

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

Т — прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И как она пременчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшею весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья не удобны.
Вы прелестью лица и прелестью души
К несчастью бесподобны.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
[Все роды славы:] дым войны
И дым Парнасского кадила.
Мы ей   одолжены
И просвещеньем и Тавридой,
И посрамлением <?> Луны,
И мы   прозвать <должны>
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые <?> вела —
                    [чай пила]
С Делиньем — иногда с Барковым <?>.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
[С тех пор]   мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

ВИНОГРАД.

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА.

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил,—
        Ходи к источнику могил
        И черпай воду ключевую,
        И думай, милая моя:
        Как невозвратная струя
        Блестит, бежит и исчезает —
        Так жизни время <?> убегает,
        В гареме так исчезну я.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.
Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркой день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не цалует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
. . . .
. . . .
. . . .
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . .
Но если . . . .

Презрев и голос <?> укоризны,
И зовы сладос<тных> надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
У[молкни], сердца шопот сонный,
Привычки давной слабый <?> глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои <текли> <?> в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.—
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний <раз> сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта
<   >
            где-нибудь в волненьи <света><?>
Мой глас <?> [вос]помни иногда

Умолкнет он под небом дальным
                                        сне<?>,
Один   печальным
Угаснет в чуждой стороне.

Настанет   час желанный
И благоск<лонный> <?> славянин
К моей могиле безъимянной

<К САБУРОВУ.>

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию [с] Молоствовым,
С моим Чедаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Прове<л> меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

«Младенцу». Черновой автограф.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2370, л. 2.

МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
[Ты] взором, [мирною<?> душой,]
[Небесный] ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как [милый] взор <твой><?> ныне ясен.
[Меж] [лу<чших><?>] жребиев земли
Да [б<удет>] жребий твой прекрасен.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ.[1]

ПОСВЯЩЕНО П. А. ОСИПОВОЙ.

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой[2]:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II.

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,

Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых [3].

III.

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье [4]:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгой век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV.

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.

Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V.

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой[5].

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI.

Не даром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем

Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII.

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.

IX.

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,

И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды)*, думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, не смотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

[2] В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей реторический оборот встречается в Коране поминутно.

[3] «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

[4] Из книги *Слепец*.

[5] Плохая физика; но за то какая смелая поэзия!

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

<ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ.>

Прости, украинской мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ.

[Что же? будет] ли вино?
[Лайон, жду] его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоленой
St Пере бутылке длинной.
В лета <красные> мои,
В ле<та> юности безумной,
Поэтической *Аи*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
                    вспомнил о поэте
И напененный<?> бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —
Без разбора за столом<?>,
Друг разумный сладост<растья>,
Вина обхожу кругом —
[Все люб<лю> <?> я понемногу —
Часто двигаю стакан,
Часто пью — но сла<ва богу>
Редко, редко лягу пьян.]

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?... Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

ЧЕДАЕВУ.

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.
. . . .
Чедаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

АКВИЛОН.

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Пускай увенч<анный> любов<ью> красоты
В завет<ном> зол<оте> хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томит<ельной> разл<уки>
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбл<енной> моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безум<ной>, безнаде<жной>.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ.

На скользком поприще Т<имковского> наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было не в терпеж.
Теперь в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный,*
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменой сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,

Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкой благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, [Магницкого] дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но сам не зная как, ты видно устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной Истине, но мирному Уму
И даже Глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

1825

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!...
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!... вспыхнули! пылают — легкой дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

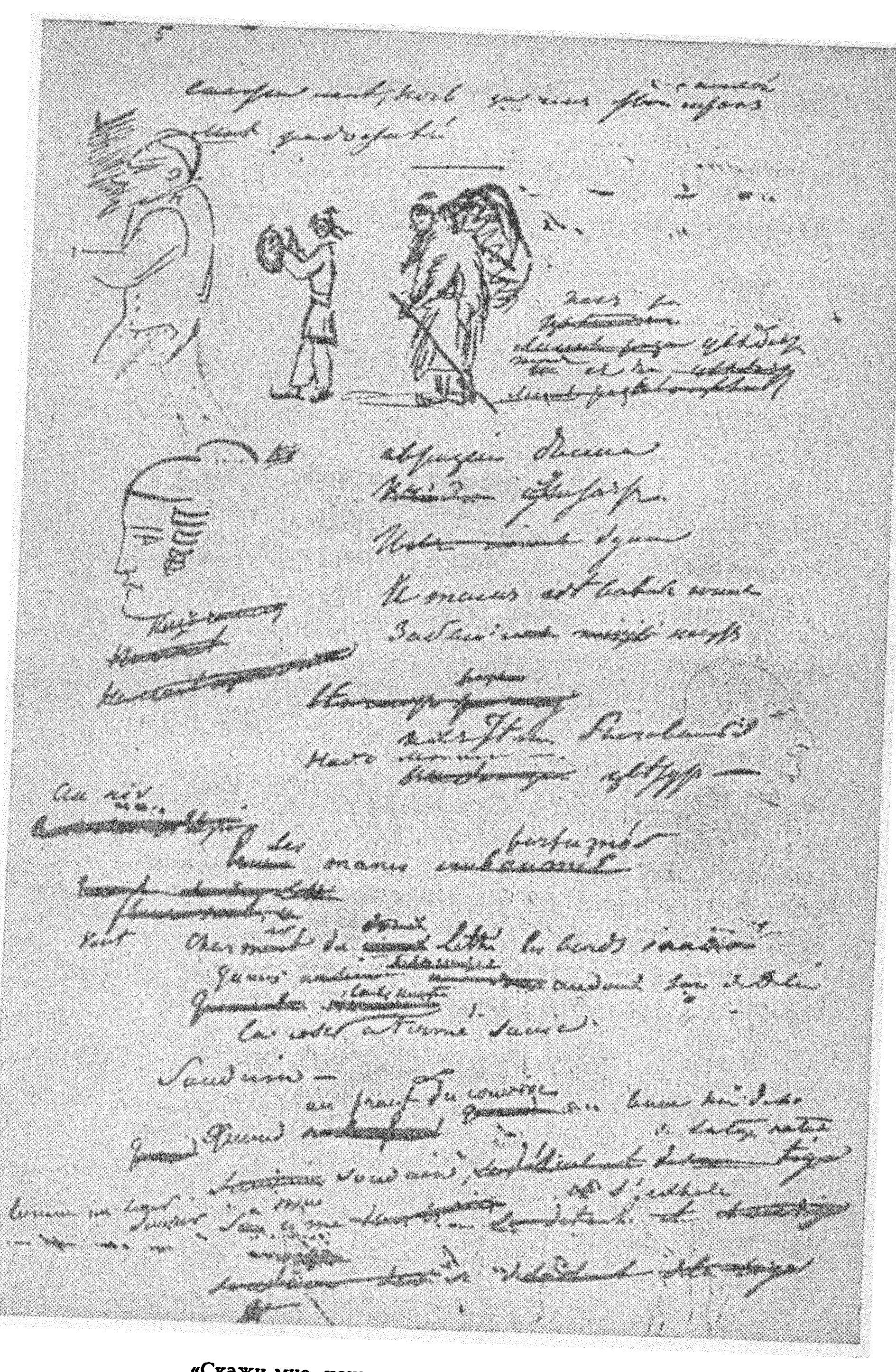
Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, м<ожет> б<ыть>, оно —
[Так утверждаю не <напрасно>]
[И доказать не <мудрено>].
Твой дом, учтивая беседа
И шутки с желчью <?> пополам
Напоминают [живо] нам
И впрямь Опасного соседа.

<НА Ф. Н. ГЛИНКУ.>

Наш друг *Фита,* Кутейкин в эполетах,
Бормочит нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не стано́вись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

Quand au front du convive, au beau sein de Délie
La rose éblouissante<?> a terminé sa vie

Soudain [se détachant] de sa tige natale
Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale,
Aux rives [Elysées] ses mânes parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés.

«Скажи мне, ночь, за чем твой тихой мрак».
Черновой автограф.
«[Лишь розы] увядают». Черновой автограф.
«Quand au front du convive». Черновой автограф.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
Москва. Тетрадь № 2370, л. 56 об.

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
[В Эл<изий>] улетает
Их [легкая] душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

<НА ВОРОНЦОВА.>

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ.

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданый, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

<НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ.>

<I>

«Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?»
— Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом,
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

<II>

— Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее.—
— Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
— Это что? — Парад.
— Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

— Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха ха ха,
Посмотри — уха,
[Погляди] — цари.
О вари, вари!..

<III>

— Сегодня бал у Сатаны —
На имянины мы званы —
[Смотри как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка],
А этот бес — как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
— Скажи мне, скоро ль будут гости?

— Так вот детей земных изгнанье?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо.— Там, гораздо дале.
— Где мы теперь? — В парадной зале.

— Что козырь? — Черви. — Мне ходить.
— Я бью.— Нельзя ли погодить?
— Беру. — Кругом нас обыграла.
— Эй, смерть! Ты право сплутовала.
— Молчи! ты глуп и молоденек.
Уж не тебе меня ловить.
[Ведь] мы играем не <из><?> денег,
А только б вечность проводить!

— Кто там? — Здорово, господа!
— Зачем пожаловал сюда?
— Привел я гостя. — Ах, создатель!..
— Вот докт.<ор> Ф.<ауст>, наш приятель —
— Живой! — Он жив, да наш давно —
Сегодня ль, завтра ль — всё равно.
— Об этом думают двояко;
Обычай требовал однако
Соизволенья моего,
Но впрочем это ничего.
Вы знаете, всегда [я] другу
[Готова] оказать услугу...
Я дамой... — Крой! — Я бью тузом...
— Позвольте, козырь. — Ну, пойдем...

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать* лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше [женихов] толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой [слух обворожает],
А зеркало сильней грозит и [устрашает].
Что делать   утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою,
                а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

СОВЕТ.

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграмой.

<О. С. ПУШКИНОЙ.>

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE M-lle NN.

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п<етербургского> потопа
Спаслась П.<олярная> З.<везда>.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнасса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ОДА
ЕГО СИЯТ. ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ.

Султан ярится.[1] Кровь Эллады
И резвоскачет[2], и кипит.
Открылись грекам древни клады,[3]
Трепещет в Стиксе лютый пит.[4]
И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть.—
Никак! Ты с верною супругой[6]
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единобразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый Пиита,
В восторге новом воспою
Во след Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,

Да Бейрона он узрит кущу,[7]
И да блюдут твой мирный сон[8]
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

<ПРИМЕЧАНИЯ>

[1] Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

[2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

[3] Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

[4] Г. Питтъ знаменитый английский министр и известный противник Свободы.

[5] Горячка.

[6] Графиня <А. И.> Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздр. кубок»).

[7] Подражание е. высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

[8] Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подъемлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист? —
— Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.—
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет.— Да... плюнуть на него.

КОЗЛОВУ.

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся Гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезёй
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ.

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

П. А. О***.

<Осиповой.>

Быть может, уж недолго мне
В изгнаньи мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило....
Оно сокрылось, изменило....
Храни меня, <мой> талисман.

Пускай же в век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ.

A insi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира,
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.[1]

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья

Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни[2],
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя[3],
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями

И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;[4]
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решотке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа.[5]
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.[6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...[7]
Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier).

[2] *У Авеля, у Фанни.*

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

[3] *И Узница моя.*

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

[4] Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célebré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

[5] Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспиерра.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leur derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

<К РОДЗЯНКЕ.>

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К ***.

<КЕРН>

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-эвнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

«[Мизрур], недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика».

ЖЕНИХ.

Три дня купеческая дочь
  Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
  Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
  Наташа их не слышит,
  Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
  И долго приступали,
И отступились наконец,
  А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
  Опять пошла с сестрами
  Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
  С подружками своими,
Сидела девица — и вот
  Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
  В санях он стоя правит
  И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
  Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
  Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит,—
  Он, точно он! держите,
  Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
  Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
  Откройся предо мною.

Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец;—
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей územ вековать,
Не всё косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,

Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Жених.

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь на удачу.
Душе моей покоя нет,
И день, и ночь я плачу.
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось,— говорит она,—
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде сребро да злато,
Всё светло и богато».

Жених.

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать жить тебе богато».

Невеста.

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених.

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста.

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених,—
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».

Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости.— Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Заступники кнута и плети,
[О знаменитые<?>] князь<я>,
[За <всё> <?>] жена [моя] [и] дети
[Вам благодарны] как <и я> <?>.
За вас молить [я] бога буду
И никогда не позабуду.
Когда   позовут
Меня на полную<?> расправу,
За ваше здравие и славу
Я<?> дам<?> царю<?> мой первый кнут.

[Словесность русская больна]
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
[И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил]
Теченье месячных изданий.

На небесах печальная луна
Встречается с веселою [зарею],
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

<ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ.>

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый,— музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ.

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

Примите «Невский Альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Вел<икопольского>, Х<вост>ова;
К<няжевич>, дальный ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО.

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто по неволе
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?

Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,

И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

<ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ.>

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей.
И дух мой снова позывает
Ко испражненью прежних дней.

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
За два <---->!..
То есть разумею,—
Вдруг примолвил он,—
Вешают за шею,
Но жесток закон».—

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

ДВИЖЕНИЕ.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА.

БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФИЛЬ.

Фауст.

Мне скучно, бес.

Мефистофиль

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст.

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофиль

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал

Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.—
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст.

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофиль

И первое свиданье,
Не правда ль? Но не льзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст.

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофиль

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, на яву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой

С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Чтó думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст.

Говори. Ну, что?

Мефистофиль

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем: —
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело; —
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст.

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофиль

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст.

Что там белеет? говори.

Мефистофиль

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст.

Всё утопить.

Мефистофиль

Сей час.

(Исчезает)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

БУРЯ.

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

ПРОЗАИК И ПОЭТ.

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

<ИЗ ВОЛЬТЕРА.>

Короче дни, а ночи доле,
[Настала скучная] пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подали <нам> кушать?
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденек.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью!*
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине небес.

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен <ты> как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был [ты у забора],
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

С ПОРТУГАЛЬСКОГО.

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

На постеле пуховой,
Дева соиною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку.

На тенистые брега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед <ней> цветы я сеял

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, [прекрасную] встречая,
Пел гитаррою бряцая:

«Девы, радости моей
Нет! на свете нет милей,
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною.

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».

Так певал [бывало] ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

Gonzago.

НАЧАЛО I ПЕСНИ „ДЕВСТВЕННИЦЫ".

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Йоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юпкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой;
Йоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец, сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрыпицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

<АННЕ Н. ВУЛЬФ.>

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку <------>,
Но и <--------> не позволит.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ГОДОВ

(1817—1825)

НА ТРАГЕДИЮ ГР. ХВОСТОВА,

ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ КОЛОСОВОЙ

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу пользы я;
Для счастия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

Нет ни в чем вам благодати,
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы не к стати,
И умны вы не в попад.

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграм!
Мир вам, несчастные поэты,
< >
< >
Мир вам, журнальные клевреты,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

<НА АЛЕКСАНДРА I.>

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

ДРУЖБА.

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

ОТРЫВКИ

1817

* *
*

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

———

Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра,

———

в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

1818

* *
*

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль, что, если это проза,
Да и дурная?.....

* *
*

[Сиятельный Аристофан!]

<КОЛОСОВОЙ.>

О ты, надежда нашей сцены.
Уж всюду торжества готовят<ся твои>,
На пышных играх Мельпомены,
У тихих алтарей любви.
Когда явилась ты пред нами
в первый раз

1819

* *
*

Милый мой, сегодня
Бешеных повес
Ожидает сводня,
Вакх и Геркулес.
Бахус будет дома,
Приготовил он
Три бутылки рома
С бочкою <*нрзб.*>.

* *
*

За старые грехи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней, с лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови<?>, с раскаяньем в рассудке —
[Я стражду — Эскулап ручается собой]

* *
*

[Я клялся на свободной <лире><?>]

<ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ.>

В себе все блага заключая,
Ты наконец к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ.

* *
*

[Кто хочет, пой]

* *
*

шляпа с розами
И грудь открытая, и эти кружева,
И на одно плечо накинутая шаль.

* *
*

Она мила, твоя подруга —
[Ее прекрасен] —

<ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ.>

[Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт]

* *
*

Ты мне велишь открыться пред тобою —
[Не знаемый] дерзал я обожать,
Но страсть одна повелевала мною

* *
*

Оставь, о Лезбия, лампаду
Близ ложа тихого любви.

1820

* *
*

[Жуковской]
< >
[Как ты шалишь и как ты мил,]
[Тебя хвалить, тебя порочить]

* *
*

Когда в листах воспоминанья
Увидишь ты сии черты —
Воспомни <свиданья>.<?>

1821

* *
*

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
[Под буркою казак], [Кавказа] властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин —

* *
*

Генерал не попал
<   >
Но к обеду опоздал,
И [вздыхает] Зоя

* *
*

во дни Дадона
Был монастырь, где чернецы
Без правила <и> без закона

* *
*

В беспечных радостях, в живом очарованьи,
О дни весны моей, вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминаньи

* *
*

Одна черта руки моей,
Тебе довольно, друг мой нежный —

* *
*

Он далече далече плывет в печальном тумане

* *
*

[Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких]

Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, [грешника] внимая стон,
Ужасный сатана хохочет

<ИЗ БАЙРОНА.>

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится;
< >
Высокая могила зрится.

* *
*

Ведите же прежде телят вы к вымени юницы

1822

* *
*

Она подарила
первый сон,
И мысль об ней одушевила
Безвестной лиры первый звон —

<В. Ф. РАЕВСКОМУ.>

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

* *
*

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят.

1823

* *
*

Мой пленник вовсе не любезен —
Он хладен, [скучен], бесполезен —
Всё так — но пленник мой не я.

[Напрасно]   славил,
Дидло плясать его заставил,
Мой пл<енник> следст<венно> не я.

* *
*

Улыбка уст, улыбка взоров

* *
*

[Скажи] — не я ль тебя заметил
В толпе застенчивых подруг,
[Твой первый взор не я ли] встретил,
Не я ли был <твой> первый друг?

* *
*

Мадам Ризнич с римским носом,
С русской <-----> Рено.

1824

* *
*

Кто ты   не смей<?> —
А ты зачем раз<. . . .>
С прямым<?>
Чтоб оглянуться он не смел<?>
<*Нрзб.*> с его брезгливой<?> рожей
Он в <*нрзб.*> гост<иной><?> сел<?>
Сквозь<?>

* *
*

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

* *
*

Как узник, Байроном воспетый,
Вздохнул, оставя мрак тюрьмы

* *
*

[В глаза —]
А за глаза Maman, Папа

<НАБРОСКИ К НЕНАПИСАННЫМ <ПОДРАЖАНИЯМ КОРАНУ.>

<1.>

Слаб и робок человек,
Слеп умом — и всё тревожит

<2.>

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его <творенья,> <?>,
Его ль нам слушать — он поэт!..

* *
*

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними верб[ная] лоза
[С иссохшей просвирой и свечкой],
<   >
[Горшок с   на окне],
Две канареички над печкой —

* *
*

Иван-Царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся.

* *
*

Так <*нрзб.*> слезами
Пылая капает сургуч.

1825

* * *

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай <ее> шутя
Над розой   колючей,
Потом на волю отпустя.
Но не советую тебе
Играть   с уснувшим змием —
Завидуя [его] судьбе
Готовы
[Искусным пойманный] перстом

* * *

Вкус верный, острый ум и нравов <?> чистота

* * *

Смеетесь вы, <что> девой бойкой
Пленен я, милой поломойкой.

Она не старая мигушка,
Не криво (-----) вострушка
И не плешивая <?> <----->.

* * *

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

* * *

Скажи мне, Ночь, зачем твой тихой мрак
Мне радостней

<ИЗ ПИСЬМА К ЖУКОВСКОМУ.>

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю,
И <- - - -> его <- - ->.

КХЛБКР.

<КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.>

Да сохранит тебя твой добрый Гений
[Под бурями] и в тишине

* *
*

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,
Позволь мне сзади.

* *
*

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила
<   >
Слова святые начертила
На нем безвестная рука.

1820—1826

* *
*

Что-то грезит Баратынский,
Что-то думает Плетнев?

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1817

Писать я не умею,
(Я много уписал).
Я дружбой пламенею,
Я дружбе верен стал.
Мне дружба заменяет
Умершую любовь!
Пусть жизнь нам изменяет;
Что было — будет вновь.

1818

КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?
Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?
Но ты всё так же мил...
Всё мил — и неизменно
В душе твоей живет
Всё то. что в цвете лет
Столь было нам бесценно...

1819

БАЛЛАДА.

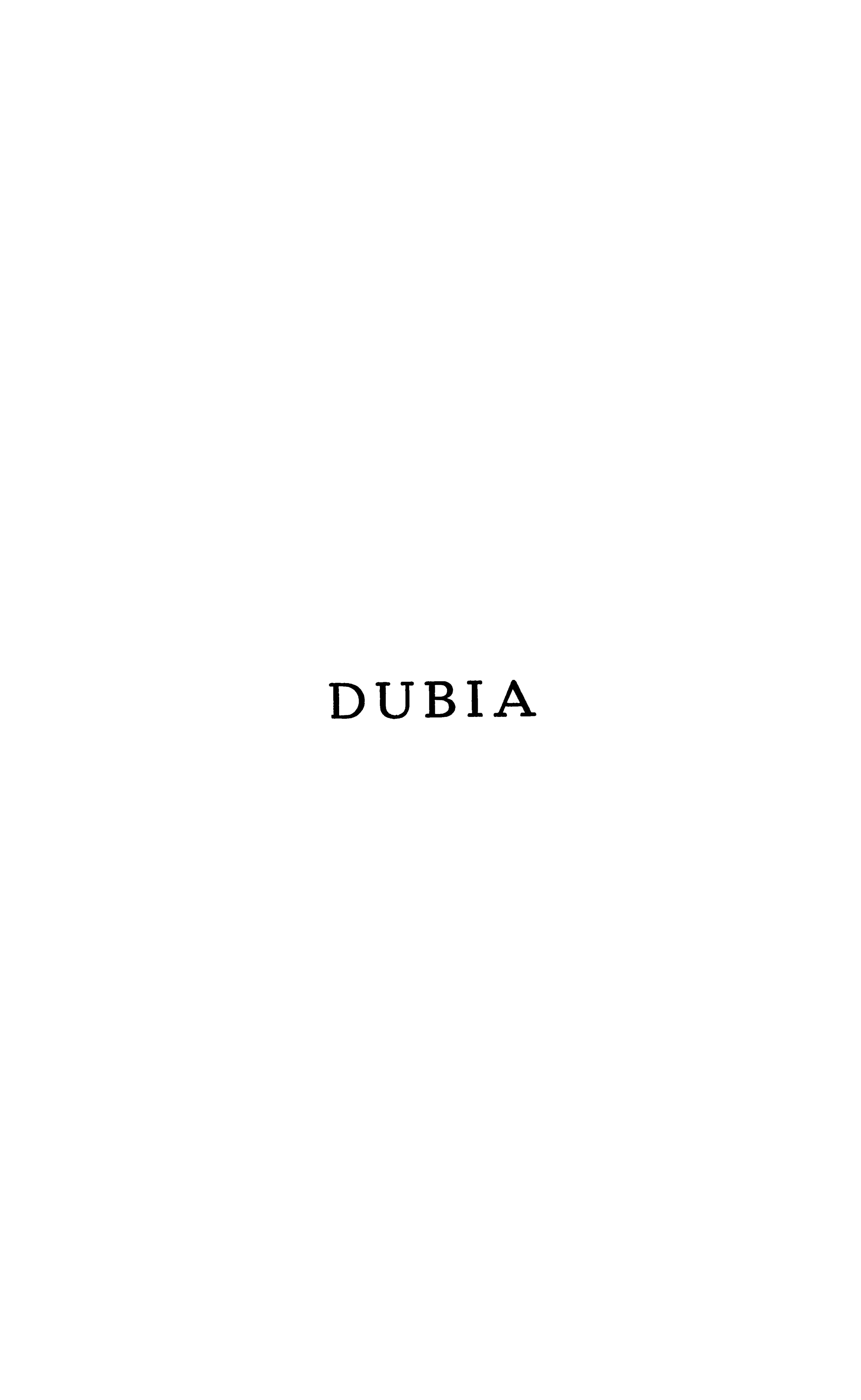
Что ты, девица, грустна,
  Молча присмирела,
Хоровод забыв одна
  В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
  Нечем позабавить.
Думала в балладе я
  Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
  Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
  А Крылов объелся».

Вот в гостиной стол накрыт —
  Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит,
  И балладу сладим:
Вот и слажена она —
  Нужны ли поэты? —
Рюмки высушив до дна,
  Скажем: многи леты
Той, которую друзьям
  Век любить не поздно!
Многи лета также нам,
  Только с ней нерозно.

1825

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Ох, тетинька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

DUBIA

1818

НА ЖЕНИТЬБУ
ГЕНЕРАЛА Н. М. СИПЯГИНА.

Убор супружеский пристало
Герою с лаврами носить,
Но по несчастью так их мало,
Что нечем даже плешь прикрыть.

1819

НА АРАКЧЕЕВА.

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно*, и тошно.

1817—1819

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

1817—1820

НАДЕНЬКЕ.

С тобой приятно уделить
Часок, два, три уединенью:
Один желаньям посвятить,
А два последних наслажденью.

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир угомонится,
Когда всё доброе ложится,
И всё недоброе встает.

ПРО СЕБЯ.

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

<К ПОРТРЕТУ МОЛОСТВОВА.>

Не большой он русский барин,
Дураком он не был ввек,
Он татарин, он татарин,
А не русский человек.

Всегда так будет как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет!

НА К. ДЕМБРОВСКОГО.

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там <---->.

1819—1820

НА ГНЕДИЧА.

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил — занозил.

1822—1824

РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ.

«Внимай что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой».
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

ГР. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

1824

<ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ.>

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

НА ФОТИЯ.

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

1825

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Второй раздел тома — «Другие редакции и варианты» — заключает в себе следующие тексты Пушкина: 1) черновые редакции стихотворений, помещенных в основном тексте; 2) части стихотворений, не включенные Пушкиным в их основной текст; 3) планы и программы стихотворений, помещенных в основном тексте; 4) разночтения отдельных мест в беловых рукописях и печатных изданиях, дающих редакцию произведения, лишь незначительно отличающуюся от основной; 5) разночтения отдельных мест в авторитетных копиях стихотворений.

Черновые редакции стихотворений воспроизводятся полностью по автографам. Такое воспроизведение имеет целью не только привести все отличия черновой редакции от основного текста, но и показать полностью процесс работы Пушкина над данным стихотворением (поскольку этот процесс отразился в рукописи). Для этой цели применяются различные способы.

В большинстве случаев при воспроизведении черновой рукописи Пушкина дается прежде всего последний слой рукописи, последний текст, к которому привел свою работу Пушкин в данном автографе. Все же первоначальные и промежуточные варианты, поправки, перестановки, сокращения и вставки, словом, вся предшествующая этому последнему слою работа поэта приведена под строкой в виде последовательных вариантов к отдельному слову, части стиха, целому стиху или группе стихов.

Например, в тексте на странице:

Где знал поэзию, веселость[1] и покой

в сноске:

[1] *а.* и дружбу *б.* беспечность

Это значит, что сначала Пушкин написал стих:

Где знал поэзию и дружбу и покой

затем изменил на

Где знал поэзию, беспечность и покой

снова изменил

Где знал поэзию, веселость и покой

и на этом чтении остановился.

Другой пример. В тексте стих:

Она на двор[1] в четверту ночь

В сноске предшествующие варианты:

[1] *а.* Она домой *б.* Она пришла *в.* Приш<ла> она

Это обозначает такую последовательность вариантов в работе над этим стихом: сначала

Она домой в четверту ночь

затем

Она пришла в четверту ночь

затем

Приш<ла> она в четверту ночь

и, наконец,

Она на двор в четверту ночь

Если, написав вариант начала какого-нибудь стиха, Пушкин сразу отказывается от него и, не дописав стиха, дает новый вариант с новым началом, — то такой обрывочный, неполный вариант стиха приводится с обозначением: *Стих начат.* Например:

Пристрастья важных аонид [1]

В сноске:

[1] *а. Стих начат*: Ко<нечно> <?>

б. Пристрастья строгих аонид

Подробное описание приемов, которыми воспроизводится пушкинская черновая рукопись (со снимком рукописи) см. в IV томе.

Нередко наблюдается, что Пушкин в конечном тексте возвращался к чтению, написанному раньше, но отвергнутому, так что среди отмененных вариантов данного места оказывается точное повторение его.

Например, Пушкин сначала написал стих:

Бледнеют при лучах зари

потом изменил на

Бледнеют при сияньи дня

затем вернулся к чтению

Бледнеют при лучах зари.

Чтобы не повторять под строкой буквально того текста, который помещен наверху, в соответствующем варианте дается обозначение: *Как в тексте.* Таким образом, приведенный стих с его вариантом обозначается следующим образом:

Бледнеют при лучах зари [1]

В сноске:

[1] *а. Как в тексте.*

б. Бледнеют при сияньи дня

ВВЕДЕНИЕ

Если в последнем тексте черновика (или в каком-либо варианте) Пушкиным зачеркнуто слово или часть стиха и ничем не заменено, то зачеркнутая часть стиха ставится в прямых скобках [ ]:

И блеском [колких слов] и шутками богатый

В угловые скобки < > заключаются: 1) отсутствующие в рукописи концы слов или пропущенные там буквы

Я не люблю твоей Кори<ны>

2) бесспорно восстанавливаемые по контексту, смыслу, ритму и рифме, а также по другим источникам слова, пропущенные Пушкиным в данной рукописи

И с неба дни <его> хранит

или

В последний <раз> сожмем же руки

или

Обманывать себя не стану <вновь>,
Тебя тоской преследовать не буду,
Про<шедшее> быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь.

Неразобранные слова автографов передаются обозначением <*нрзб.*>.

Слово, чтение которого предположительно, сопровождается вопросительным знаком в угловых скобках <?>. Вопросительный знак в двух парах угловых скобок <<?>> в конце стиха обозначает, что не чтение последнего слова является предположительным, а всё построение варианта стиха может вызывать сомнение.

Если у Пушкина не написаны начало или середина стиха, то в соответствующем месте оставляется пробел, например:

Пошла бродить   луна

Если в группе стихов не написан целый стих, то это передается пустой строкой, заключенной в угловые скобки

Мы пьем восторги и любовь,
Для<?> нас<?> надежды, наслажденья,
<   >
Как новы   заблужденья!

Все редакторские пометы, аннотации и заголовки набраны *курсивом.*

В тех случаях, когда рукопись дает к этому возможность, процесс работы Пушкина над текстом передается в виде последовательных рядов постепенно наслаивающихся и изменяющихся текстов, без подстрочных сносок. Следующий пример иллюстрирует такой способ воспроизведения процесса работы поэта:

[Таков поэт — во дни]

•

[Таков поэт — Великий жрец Гомера]
[Поведал ты]

*

[Таков поэт — Великий жрец Гомера]
[Его скрижаль поведал]

*

[Таков поэт — Великий жрец Гомера]
[Вперив в [<*нрзб.*>] его скрижаль] [1]

*

Ты вынес нам его скрижаль

*

[На высотах беседуя с Гомером] [2]

*

Пророк! [На высотах беседуя с Гомером]

*

[Ты долго на горе беседовал с Гомером]

*

[Пророк; на высоте]

*

[Т<ы><?>]

*

[Г<омера жрец><?>]

*

С Гомером долго ты беседовал один

*

могучий властелин
С Гомером долго ты беседовал один
И вынес нам его скрижали
Тебя робко ожидали

*

Тебя ожидали
[Пр<орок><?>]

*

Ты д<олго><?>

*

И ты безмолвно

*

С Гомером ты беседовал один
Тебя мы робко ожидали

---

[1] *Стих начат:* Его
[2] *Стих начат:* На высотах беседою

И ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам его скрижали.

•

С Гомером долго ты беседовал один
Тебя мы робко ожидали
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам его скрижали.

В случае более или менее длинного стихотворения, для того чтобы был ясен последний связный текст, полученный Пушкиным в результате последовательных наслоений, все стихи, образующие этот окончательный связный текст, отмечены с левой стороны маленькими цифрами в угловых скобках, в последовательном порядке: <1> <2> <3> и т. д.

Наконец, иногда для воспроизведения черновика и работы Пушкина над текстом применяется смешанный способ, где объединены метод подачи текста последовательными слоями, ступенями и метод подстрочных вариантов отдельных слов и частей стиха.

Бывает, что воспроизводимая рукопись представляла собой раньше беловик с законченным текстом ранней редакции, на котором затем нанесены последующие исправления (часто крайне многочисленные и превращающие рукопись в настоящий черновик). При воспроизведении такой рукописи на странице дается не последний текст, к которому пришел в своей работе Пушкин (как обычно), а, наоборот,— указанный первоначальный беловой текст; все же последующие поправки даны в сносках под строкой с обозначениями: *Последующие исправления, Поправка* или *Исправлено* и т. п.

Разночтения беловых рукописей и печатных прижизненных изданий подаются следующим образом.

1. Если беловая рукопись дает редакцию стихотворения, резко отличающуюся (целиком или в известной части) от воспроизведенной в основном тексте издания,— то эта редакция (всё стихотворение или соответствующая часть его) воспроизводится полностью.

2. Если редакция, представленная беловой рукописью или печатным источником, незначительно, только в отдельных стихах отличается от основного текста,— то в разделе «Другие редакции и варианты» воспроизводятся только эти разночтения, варианты отдельных стихов или групп стихов — со ссылкой на порядковый номер данного стиха в основном тексте. Например, строка

3 На волю птичку отпускаю

представляет собою вариант стиха 3, звучащего в основном тексте

На волю птичку выпускаю

Если в беловой рукописи находится ряд исправлений и переделок текста, то эти исправления воспроизводятся либо (подобно черновикам) так, что на странице дано последнее, окончательное исправление, а под строкой в сносках — первоначальные, либо все исправления даются на странице в последовательном порядке, под буквами *а., б.,* в. и т. д.

Если при втором способе обозначения один из вариантов того или иного места буквально повторяет основной текст стихотворения, то вместо текста этого варианта

дается обозначение: *Как в тексте*. Эти слова, помещенные в ряду вариантов на странице (в отличие от подстрочных вариантов черновика), указывают на совпадения с основным текстом, данным в первой части тома.

Если в воспроизводимой беловой рукописи (не являющейся единственным источником текста) ряд последовательных поправок данного стиха дает в окончательном виде чтение, буквально совпадающее с чтением основного текста, то не только не воспроизводится это чтение, но и не ставится обозначение *Как в тексте*. Вместо этого в конце последнего воспроизводимого варианта (предпоследнего в рукописи) ставится значок ○.

6—7 И гимны важные любимые богами
И песни легкие фригийских пастухов ○

Это значит, что стихи 6—7 в данном автографе выправлены на:

И гимны важные, внушенные богами
И песни мирные фригийских пастухов,

т. е. полностью совпадают с основным текстом.

Подобно беловым рукописям, воспроизводятся те части черновиков больших стихотворений, которые либо вовсе не содержат в себе исправлений, либо содержат их мало.

Черновая, а иногда и первая беловая редакция стихотворения нередко отличается от окончательной редакции композиционно, по количеству и расположению стихов. Для того, чтобы различать нумерацию стихов такого типа черновика от нумерации стихов белового текста, напечатанного в первом разделе тома, нумерация черновых стихов заключается в круглые скобки ( ).

Курсивные буквы, помещенные в конце стиха, обозначают условные сокращения названий источников текста, расшифровку которых см. в соответствующем примечании к стихотворению.

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕРЕДЕЛАННЫЕ в 1817—1829 годах

ЛИЦИНИЮ.

(Стр. 11.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 85 и 287.

А. Варианты 1819 г. (Вс).

Заглавие: К Лициниусу.
Подзаголовок: *(Из латинского)*

6 Как розги ликторов народ несчастный гонят,
8 Умильно вслед за ним стремят усердный взгляд
22 На Рим простер ярем, отечества бесславит
41 Оставим юности тщеславной шум веселий
42 Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: К Лицинию.
Подзаголовок: *(С латинского)*
Помета у заглавия: *(1815).*

8 Умильно вслед за ним стремят усердный взгляд
22 *а.* На Рим простер ярем, отечества бесславит
б. Как в тексте.[1]

Пометы перед ст. 25, 61: à la ligne[2]

В. Отличия СП и $СП_1$.

Заглавие: Лицинию. *С латинского. 1815* — *СП (в оглавлении)*
— К Лицинию. *С латинского.* — *$СП_1$ (в оглавлении)*

18 *отсутствует.*[3] — *СП*

---

[1] *Исправлено Пушкиным или Плетневым.*
[2] *Кроме того, исправлены ст. 6, 41 и 42 как в тексте.*
[3] *Опечатка.*

19 (Скажу ль?) Ветулия![1] Отчизны стыд моей — *СП*
— (Скажу ль?) Ветулию! Отчизны стыд моей — *СП₁*

СТАРИК.

(Стр. 13.)

Ранний текст стихотворения см. в томе I, стр. 209.

А. Запись переработки стихотворения.

(ЛБ 64, *л.* 51 об.)

Уж я не тот лю<бовник страстный>
Кому дивился пре<жде свет>
Моя весна и лет<о> к<расно>
Навек ушли — проп.<ал> и след.
Амур! бог возра<ста> младого
Я твой служитель верный <был>[2]
Ах если б мог роди<ться> сн<ова>[3]
Уж так ли б <я> тебе <служил>

Б. Варианты Вс.

Заглавие: Старик.
Подзаголовок: *(Из Марота).*

4 На век ушли — пропал и след.

В. Заглавие в СП и СП₂

Старик. *Из Марота.* — *СП (в оглавлении)*
Старик. *Из Маро.* — *СП₂ (в оглавлении)*

РОЗА.

(Стр. 14.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 109 и 296.

---

[1] *Опечатка.*

[2] *Наброски к ст. 6: а.* Ты з⟨?⟩ *б.* Тебе *в.* Служить тебе *г.* Ты *д.* Тебе *е.* Тебе служить ⟨⟨?⟩⟩ *ж.* Я твой служ⟨итель⟩ *з.* Слу⟨жить⟩ *и.* Т⟨ебе⟩ ⟨?⟩

[3] *а. Начато:* Ах если бы
б. Ах если б я родил⟨ся снова⟩

ГРОБ АНАКРЕОНА.

(Стр. 15.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 126 и 299.

А. Запись переработки первой редакции[1].

(ЛБ 70, л. 29)

Гроб Ан[2].

Други![3]
Здесь почил в бессмертном мире
<   >
Посмотри<те> на порфире[4]
Ожи<ви>л его резец...

Б. Варианты 1819 г. (Вс).

Вм. 11—15 В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь Цитеры спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Счастья сын изображен;
Здесь на сладостной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный
Нежно гимны ей поет,
Там он гроздами венчанный
Полной чашей негу пьет.
28 Вкруг философа седого
35 Игры, смехи вслед ушли...
42 Страстью тайной утомляйся
43 А за чашей отдыхай!

В. Варианты 1825 г. (Вс).

Помета у заглавия: а. (1816)
б. (1815)

11 Вижу кубок и венец..... ○
12 Здесь почил он в вечном мире[5] ○
35 Игры вслед за ним ушли....
43 А за чашей отдыхай!

---

[1] *Ср. ст. 12—15 окончательного текста и ст. 20—24 первой редакции.*
[2] *Т. е.:* Гробница ⟨?⟩ Анакреона. *Первое слово написано без ъ.*
[3] *Вписано.*
[4] Но   на сапфире
[5] *Кроме того, вычеркнуты семь стихов между ст. 15 и 16 (по окончательному счету), ст. 28 и 42 исправлены как в тексте.*

Г. Отличия СП.

Заглавие в оглавлении: Гроб Анакреона. 1815.
43 А за чашей отдыхай

ПЕВЕЦ.

(Стр. 16.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 163 и 315.

А. Вариант 1819 г. (Вс).

4 Свирели звук унывный и простой

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Помета у заглавия: (1816)

4 Свирели звук унывный и простой —[1]

В. Отличия СП.

Заглавие в оглавлении: Певец. 1816.
10 Встречали ль вы?[2]

К МОРФЕЮ.

(Стр. 17.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе 1, стр. 164 и 316 („К сну").

А. Варианты 1819 г. (Вс).

Заглавие: Морфей.

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: Морфею.
Помета у заглавия: 1816
6 Разлуки вечный приговор,

В. Отличие Кп.

Заглавие: Элегия III.
Морфею.

---

[1] *Кроме того, в ст. 10 ошибочно вычеркнуто* ли *в слове* Встречали *(Пушкин принял его, очевидно, за частицу* ль, *которой в этом тексте и не было).*
[2] *Ошибка?*

ДРУЗЬЯМ.

(«Богами вам еще даны»).

(Стр. 18.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 170 и 320.

А. Редакция 1825 г. (Вс).

Друзьям.

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Пропев последнее прощанье
Уж муза смолкнула моя.
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на отвыкнувших[1] струнах
Будил умолкнувшие звуки.
Богами вам еще даны

Далее как в тексте.

Дата у заглавия: (1816).

Б. Редакция 1825 г. (Кп).

Заглавие: Элегия II.
Друзьям.

Текст как в Вс (см. выше, под буквой А), с вариантом:
7 И на ослабленных струнах[2]

В. Отличие СП.

Заглавие в оглавлении: Друзьям. 1816.

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

(Стр. 19.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 177 и 323.

А. Варианты 1819 г. (Вс).

Заглавие: Амур и Гименей.
Подзаголовок: Сказка.

Вм. 6—12 Амур совсем, друзья, не слеп,
Но шалости — его забавы:

[1] *Единственное исправление в тексте 1819 г., где было:* ослабленных.

[2] *Пушкиным зачеркнуты первые восемь стихов и в заглавии обозначение:* Элегия II *(стихотворение перенесено в другой раздел — см. Примечания).*

Задумал ветреник лукавый,
Чтоб людям на смех и на зло
Его дурачество вело.
Дурачество ведет Эрота —
Но вдруг не знаю почему
К дурачеству прошла охота
Оно наскучило ему —

Вм. 16—20 А что такое Гименей?
Он из Кипридиных детей,
Бедняжка дряхлый и ленивый,
Холодный, грустный, молчаливый
Ворчит и дремлет целый век
И впрочем добрый человек.

30 *отсутствует.*[1]

41 Гимена грустные дозоры

43 Его таинственные взоры

52 И сам счастливца провождает

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: Амур и Гименей.
Подзаголовок: Сказка.
Помета у заглавия: 1816

11 И вдруг не знаю почему

17—18 *а. Начато:* Он сын Ки<приды>
б. Он из Кипридиных детей ○

20 И впрочем добрый человек

30 *отсутствует.*[2]

52 И сам счастливца провождает.[3]

В. Печатные отличия.

Заглавие в оглавлении: Амур и Гименей. *Сказка.* 1816. *СП*

26 И караулил супостата *СП СП₁*

---

[1] *Пропуск переписчика, не замеченный Пушкиным; в лицейской редакции было:*

Помилуй братец Гименей

[2] *Пропуск переписчика, не замеченный Пушкиным.*

[3] *Кроме того, ст. 7 (вместо двух прежней редакции), 9 и 10 написаны как в тексте; зачеркнуты стихи между ст. 11 и 12 (иначе говоря, стихи прежней редакции, соответствующие ст. 6—12 новой редакции, приведены в окончательный вид); зачеркнут стих, следовавший вслед за ст. 16 (так что ст. 16—19 приведены в окончательный вид); ст. 41 и 43 исправлены, как в тексте.*

ШИШКОВУ.

(Стр. 21.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 180 и 324.

А. Варианты редакции 1819 г. (Копии Дл, Квл и Щг$_1$).[1]

Заглавие: К Шишкову.
4 Где неж<ился> Шолье с Мелецким и Парни?[2]
Между 8 и 9 И ныне, в юности прекрасной
С тобою верные сопутницы твои.
Бряцай, о трубадур, на арфе сладострастной
Ты гимны счастливой любви!
Пой сердца юного кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов.
Пой, в неге устремив на друга томны очи,
Тебе подвластные красы;
В ее объятиях исчезнувшие ночи,
Любви бесценные часы.
9 Но я — друзей любить открытою душою,
12—17 Покорствуя судьбам — но сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Уж хладной истинны докучный вижу свет,
По доброте души я верил в упоеньи
Обманчивой мечте, шепнувшей: ты поэт,
18 И, презря мудрости угрозы и советы Щг$_1$
21—23 Поклонник Бахуса, я с трезвыми друзьями
Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
26 Не долго юношу лелеял Аполлон[3]
29 Я строгим опытом невольно пробужден,
33 Сравнив стихи свои с твоими, улыбнулся[4]

---

[1] *Все три копии дают один текст, кроме указанных стихов.*
[2] *Во всех трех копиях, вероятно, ошибочное:*
Где нежные — Шолье с Мелецким и Парни?
[3] *Ст. 27 в Щг$_1$ отсутствует.*
[4] *В Дл:*
Сравнив стихи твои с своими, улыбнулся

Б. Печатные заглавия.

Ш***ов у. *СП (в тексте)*
Ш***в у. 1816. *СП (в оглавлении)*
Ш***в у. *СП₁ (в тексте и в оглавлении)*

ПРОБУЖДЕНИЕ.

(Стр. 22.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 182 и 325.

А. Варианты 1825 г. (Вс).

Помета у заглавия: 1816
20—27 [1] *а.* Внемли любовь
Мои моленья —
б. Услышь любовь
Мои моленья —
в. Любовь любовь
Услышь моленья —
22 Пришли мне в<новь> О

Б. Отличия Кп.

Заглавие: Элегия I.
Пробуждение.

Помета у заглавия: (1816)
20—23 Любовь, любовь!
Пусть утомленный[1]
Усну я вновь
Обвороженный

В. Отличие СП.

Заглавие в оглавлении: Пробуждение. 1816.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

(Стр. 23.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 222 и 343.
(Эпиграмма „Скажи, что нового? — Ни слова").

К КАВЕРИНУ.

(Стр. 24.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе 1, стр. 185 и 326.

[1] Пусть упоенный

А. Отличия МВ.

Заглавие: К К. 1817.
11 Усердствуй Вакху и любви

Б. Отличия копии Л. С. Пушкина с поправками Пушкина.

Заглавие: *а.* К Каверину.
б. К Каверину. (1817).
2 *а.* *Как в тексте.*
б. Неосторожные стихи
11 *а.* *Как в тексте.*
б. Усердствуй Вакху и любви.
13 *а.* *Как в тексте.*
б. Она не ведает, что дружну можно быть
16 *а.* *Как в тексте.*
б. Безумных шалост<ей> под легким по<кры>валом

ДЕЛЬВИГУ.

(«Любовью, дружеством и ленью»).

(Стр. 25.)

Ранние тексты стихотворения см. в томе I, стр. 190 и 333.

А. Варианты 1819 г. (Вс).

Заглавие: К Дельвигу.
1—3 С любовью, дружеством и ленью
Вдали забот и мрачных бед
Живи в безвестности под дружественной сенью
7 Певца баюкают камены молодые
12—16 Украсив розами поэта первый путь —
Священной лиры наслажденья
Я рано чувствовать умел,
И лира, стала мой удел.
Но всё прошло на век.... минуты упоенья
21 И тайной клеветы невидимый кинжал

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: К Дельвигу.
1 *а.* *Как в тексте.*
б. Любовью и ленью ○
16 Но где же всё<?>[1].... минуты упоенья[2]

---

[1] *Поправка рукой Плетнева или Л. С. Пушкина:* вы.
[2] *Кроме того, исправлены ст. 2—3, 7, 12—16, 21 как в тексте.*

В. Печатные отличия

Заглавие в оглавлении: Дельвигу. 1817. *СП*
13 Я мирных[1] звуков наслажденья *СП СП$_1$*

В. Л. ПУШКИНУ.

(Стр. 26.)

Ранний текст стихотворения см. в томе I, стр. 192.

А. Отличия „Полярной Звезды".

Заглавие: Отрывок из послания В. Л. П—ну.
17 Об ком за песни, за дела

Б. Заглавие СП и СП$_1$

П***н у. *СП СП$_1$ (в тексте)*
П***н у. *Отрывок.* 1817. *СП (в оглавлении)*
П***н у. *Отрывок.* *СП$_1$ (в оглавлении)*

РАЗЛУКА.

(«В последний раз, в сени уединенья»).

(Стр. 27.)

Ранний текст стихотворения см. в томе I, стр. 155.

А. Варианты 1819 г. (Вс).

1 В последний раз, в тиши уединенья
5—9 Они прошли, лета соединенья!
Разорван он — наш братской, верный круг!
Прости! хранимый тайным небом
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством и Фебом

Б. Отличия 1825 г. (Вс).

Помета у заглавия:[2] 1817.

В. Заглавие в оглавлении СП.

Разлука. 1817.

---

[1] *Искажение (?) вследствие неправильного чтения рукописи.*
[2] *Кроме того, ст. 1 и 5—9 исправлены как в тексте.*

1817

«ПРОСТИТЕ, ВЕРНЫЕ ДУБРАВЫ...»

(Стр. 34.)

Отличия публикаций Сем и Мк.

16 Веселых граций и ума.

«ОРЛОВ С ИСТОМИНОЙ В ПОСТЕЛЕ...»

(Стр. 35.)

Отличия копий и публикации.

Заглавие:	Э п и г р а м м а.	*Ал Дл*
—	На А. Ф. О р л о в а.	*Дл Л*
—	А. Ф. О р л о в у.	*О*
—	О р л о в с И с т о м и н о й	*ВВ*$_4$
2	В природной наготе лежал	*Дл Е О Т*
3	Не отличался в жарком деле	*Дл Л*
5	Не мысля милого обидеть	*Дл Е Л О Т*
7	И говорит: Дай мне увидеть	*Ал Б*$_1$
8	Мой милый, чем меня ты <-->	*Ал Б*$_1$ *Дл О*

К ОГАРЕВОЙ,

которой митрополит прислал плодов из своего саду.

(Стр. 36.)

А. Варианты первого белового автографа.

(ЛБ 64, л. 41)

Заглавие: К[1] О . . . . . ой
к о т о р о й м и т р о п о л и т п р и с л а л
п л о д о в и з с в о е г о с а д у.

Помета под заглавием: 1817. . . Петербург

4 Что будто сам он бог садов

[1] К *вписано.*

5 Чему дивиться тут? Харита —
6 Улыбкой святость победит О
8 а. *Как в тексте.*
б. [И пыл] желанья в нем родит
9 И он твой встретя взор волшебный

Б. Варианты второго белового автографа.

(ПД 21)

Заглавие: а. V[1]. <<?>>
б. K V.

ЭПИГРАММА.
<НА КАРАМЗИНА>

(Стр. 37.)

Отличия копий и публикаций.

1 Послушайте, я расскажу вам старину — *Ал* $Б_1$ *Дл* $Пц_1$ $Р_2$ *Рс*

3 Про Новгород, про время золотое — *А Ал* $Б_1$ *Блн Дл* $Дл_2$ *Дш Е Л* $Пц_1$ $Р_2$ *РС* $Я_1$

4 И наконец про Грозного царя — *А Ал* $Б_1$ *Блн Дл* $Дл_2$ *Дш Е Л Пг* $Пц_1$ $Р_2$ *РС*

5 Эх, бабушка, затеяла пустое — *А Ал* $Б_1$ *Дл* $Дл_2$ *Л* $Пц_1$ $Р_2$ *РС*

6 Окончи лучше нам «Илью-богатыря» — *А Ал* $Б_1$ *Дл* $Дл_2$ *Л* $Пц_1$ $Р_2$ *РС*

ТУРГЕНЕВУ.

(Стр. 38.)

Отличия копий и публикаций.

2 Попов, евреев и стихов — *Авткп* $Тр_1$
7 Подруги благодатных снов! — *РБг*
10 По лире с трепетом вожу — *РБг*
19 И С — й и креста — *Авткп*
— И С...й и креста — $Тр_1$

Под текстом: 8-го ноября
1817 г. — *Авткп*

---

[1] *У Пушкина очевидно славянская буква ижица.*

К***.

(«Не спрашивай, за чем унылой думой...»).

(Стр 40.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64. л. 72 об.)

[Он улетел, любви прекрасный миг...][1]
27 ноябр. 1817.

У н ы н ь е[2]

Не спрашивай, за чем я молчаливо
Любовницы в объятиях лежу

*

Не спрашивай за чем с унылой думой[3]
Подруги <я> в объятиях томлюсь[4]

*

<1> Не спрашивай за чем унылой думой
<2> [В кругу друзей] я вечно омрачен,
<3> За чем на всё подъемлю взор угрюмый,
<4> За чем не мил мне сладкой жизни сон[5]

Не спрашивай за чем [подруги нежной
Не внемлю <я> ни ласкам ни слезам —
Как улететь <?>]

*

<5> Не спрашивай за чем душой остылой
<6> Я разлюбил веселую любовь —[6]
<7> И никого не называю *милой* —
<8> Кто раз любил — уж не полюбит вновь[7]

---

1 Он улетел, прекрасный день любви ...
2 *Заглавие вписано.*
3 а. Не спрашивай за чем с унылой думой
Любовнипы в объятиях [лежу] томлюсь
б. Не спрашивай за чем я с вечной думой
Любовницы в объятиях [лежу] томлюсь
4 *а.* Подруги я в объятиях [лежу] томлюсь
б. Я на груди любовницы [лежу] томлюсь
5 За чем не мил мне жизни сов
6 Я разлюбил и дружбу ⟨и любовь⟩ ⟨?⟩
7 *а. Начато:* Всё кончится ⟨?⟩
б. Кто раз любил — тот не полюбит вновь —

<9> Кто счастлив был, уж не узнает счастья [1]
<10> Короткой день блаженство <нам> дано — —
<11> От юности, от жизни, сладострастья [2]
<12> Останется уныние одно — [3]

«КРАЕВ ЧУЖИХ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ...»

(Стр. 41.)

Отличия автографа (Кривцова)

7—8 Где женщина не с мертвой красотой
Но с огненной, пленительной, живой?
10 Пленительный, веселый, просвещенный?

Под текстом: 30 ноября
1817.

К НЕЙ.

(«В печальной праздности я лиру забывал»).

(Стр. 42.)

А. Варианты 1819 г. (Вс, Квл и Пт.)

16 С слезами на глазах со славою прощался *Квл Пт*
19 Душа тронулась, ожила *Квл Пт*
21 Всё снова зацвело! Я жизнью трепетал *Квл Пт*
23 Сильнее чувствовал, свободнее дышал *Вс Квл Пт*
24 Живей пленила добродетель [4] *Вс Квл*
— Живей пленяла добродетель... *Вса Пт*
Между 24 и 25 Тебя увидел я . . . . . нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый! *Вс Квл Пт*

---

[1] *Вместо ст. 9—10:*
а. Кто счастлив был, счастливым тот не будет
Он ⟨?⟩
б. Кто счастлив был, счастливым уж не будет
в. Как в тексте.
г. Кто счастлив был, счастливым тот не будет
[2] *Вместо ст. 11: а. Начато:* Младую ж⟨изнь⟩ ⟨?⟩
б. Начато: Пройдет любовь и жизни ⟨?⟩
[3] *Начато:* Останется унынье как ⟨?⟩
[4] *Первоначальное чтение, исправленное Пушкиным.*

Б. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: *а. Зачеркнуто.*
б. Как в тексте.
в. Зачеркнуто.
Помета при заглавии: 1817

26 Вновь лиры раздался голос юный[1], О

ВОЛЬНОСТЬ.

(Стр. 43.)

Отличия копий и публикаций.

7 Хочу воспеть я вольность миру *Аш Б$_1$ Бб Вз Вк Влф Всл ВВ$_2$в Гв$_3$ Гр$_1$ Дш В ИМ Кн Крч Л Лвр ЛМ$_1$ Мв Мр Н$_2$ О Отб ПЗ Птл Пц Пщ РБ РС С Сб У У$_1$ Шх Щ Щбб Щрб Щр Я$_1$ Якв$_1$*

— Хочу я вольность грянуть миру *Ал Алм БАН$_2$ Блк Вх$_2$ ВВ$_2$ Гдк Гл$_1$ Глр Гр$_1$в Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Ев Ер Кв Н$_1$ Ов Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Тшк Чб Щба Юд$_2$ Я$_1$в*

8 На троне поразить порок *Ал Алм Аш Б$_1$ БАН$_2$ Бб Блк Бх$_2$ ВВ$_2$ Вз Вз$_1$ Вк Влф Вел Гв$_3$ Гд Гдк Гл$_1$ Глб Глр Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Е Ер ИМ Кв Кн$_1$ Крч Л Лвр ЛМ$_1$ Мв Мр Н$_1$ Н$_2$ Нвл О Отб ПЗ Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Птл Пц Пщ РБ РС С Сб Тшк У У$_1$ Чб Шх Щб Щр Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$*

13 Любимцы ветреной судьбы *Ал Алм Аш Б$_1$ ВАН$_2$ Бб Блк Бх$_2$ ВВ$_2$ Вз Вк Влф Всл Гв$_3$ Гд Гл$_1$ Глб Глр Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Е Ер Кн Крч Л Лвр ЛМ$_1$ Мв Мр Н$_2$ О Отб ПЗ Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Птл Пц Пщ РБ РС С Сб Тшк У У$_1$ Чб Шх Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$*

23 Восседи рабства грозный гений *Алм Аш Б$_1$ БАН$_2$ Бб Блк Вх$_2$ ВВ$_2$ Гд Гдк Гл$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Ев ИМ Кв Кн Крч Мв Н$_1$ Н$_2$ Отб Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт РС Са Тшк У Шх Щб Юд$_2$ Я$_1$в*

— Везде неволи грозный гений *Бк Влф Всл Ер Кн$_1$ Л Лвр Пц Пщ Я$_1$в$_1$*

24 И к славе роковая страсть *Ал Алм БАН$_2$ ВВ$_2$ Вк Влф Всл Гр$_1$ Грш Е Ер Кн Л Лвр Мр Нвл О ПЗ Птл Пц Пщ РБ Чб Я$_1$*

---

[1] *Кроме того, ст. 23 и 24 исправлены как в тексте и четыре стиха между ст. 24 и 25 зачеркнуты.*

26 Не слышится людей стенанье — Вк Лвр Пщ

33 Где преступленье свысока — ВВ$_2$ Вк Влф Всл Гл$_1$ Дл Дш В Ер Пм Пм$_1$ Пц Пщ Юд$_2$ Я$_1$

— И преступленья свысока — Блк Вз$_1$ Лвр Щр

34 Разится праведным размахом — БАН$_2$ Вк Всл Ев Кн Л Пц Пщ Я$_1$в

36 Ни к злату алчностью, ни страхом — Б$_1$ Вк Влф Ев Лвр Пщ Сб Я$_1$в

42 Где он блюдет неосторожно — Влф Гр$_1$в Бв Пщ Я$_1$в

43 Где иль пороку иль царям — Вз$_1$

— *Как в тексте.* — Вз$_1$А

51 Челом развенчанным приник — Ал Алм Аш Б$_1$ Бб Блк Бх$_2$ ВВ$_2$ Вз Вз$_1$ Вк Влф Всл Гв$_3$ Гд Гл$_1$ Глб Глр Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Е Ер ИМ Кв Кн Л Лвр Мв Мр Н$_1$ Н$_2$ Нвл О Отб ПЗ Плт$_1$ Пт Птл Пц Пщ РВ РС С Сб Тр$_2$б Тшк У У$_1$ Чб Шх Щб Щр Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$

53 Молчит народ, закон молчит — Алм Бб ВВ$_2$ Вк Влф Гв$_3$ Ер Мв Нвл Отб Пщ РС С У У$_1$ Юд$_2$ Якв$_1$

54 И лишь главу снесла секира — Вк Лвр Пщ

55 Как самовластная порфира — Ал БАН$_2$ Вк Всл Кн Лвр Пщ

К ст. 55 в сноске примечание:

Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П.
моего дяди (родного). — Тр$_2$

— И самовластная порфира — Алм Аш Б$_1$ Бб Блк Бх$_2$ ВВ$_2$в Вз Гв$_3$ Гд Гдк Гл$_1$ Глр Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Е Ер ИМ Кв Крч Л ЛМ$_1$ Мв Мр Н$_1$ Нел О ПЗ Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Птл Пц РБ РС С Сб Тшк У У$_1$ Шх Щб Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$

58 Тебя, твой род я ненавижу — Б$_1$ БАН$_2$ Бб ВВ$_2$в В$_3$ Вк Влф Всл Гв$_3$ Гдк Гл$_1$ Глб Гр$_1$ Грн Дш Е Ер Кн Крч Л Лвр Мв Мр Н$_2$ О Отб ПЗ Птл Пц Пщ РБ РТ Са У$_1$ Щр Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$

— Тебя, твой скиптр<?>я ненавижу — Тр$_2$а

— *Как в тексте.* — Тр$_2$б

60 С свирепой радостью я вижу — Б$_1$ Влф Кн Пщ Чб

64 Упрек и богу на земле — Вз$_1$ Тр

66 Звезда полуночи сияет *ВВ$_2$в Гдк Глр Гр$_1$ Дла Кв Мр Н$_1$ О ПЗ Пм Пм$_1$ Птл РБ Чб Щб*

67 И беззаботности главу *Вз$_1$ Грч$_3$ Тр$_2$*

68 Спокойно сон к себе склоняет *Всл Лвр Пщ*

70 На грозный, спящий средь тумана *Ал Алм БАН$_2$ Бх$_2$ ВВ$_2$в Вз$_1$ Вк Влф Всл Гд Глб Гр$_1$ Грн Ер Кн Лвр Мр Нвл О Отб ПЗ Птл Пщ РБ Тр Тшк Чб Якв$_1$*

74 Над сими страшными стенами *Бб ВВ$_2$в Влф Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Дл Кв Крч Мв Мр Н$_1$ Н$_2$ О Отб ПЗ Плт$_1$ Пт Птл РБ РС Тр$_2$а У У$_1$ Чб Щб Я$_1$*

— Над сими мрачными стенами *Ал Алм Аш Б$_1$ БАН$_2$ Блк Вз Вк Всл Гв$_3$ Глр Гс Дш Ер Кн Л Нвл Пц Пщ С Сб Тшк Шх Юд$_2$ Я$_1$в$_1$*

Как в тексте. *Тр$_2$б*

76 Он живо видит пред очами *Ал Бб Вз Вк Гд Гдк Грн Крч Л Мв Н$_2$ Отб Пц Пщ РС У$_1$ Якв$_1$*

82 Опущен тихо мост подъемный *Ал Алм Аш Б$_1$ БАН$_2$ Бб Блк Бх$_2$ Вз Вк Влф Всл Гв$_3$ Гд Гдк Гл$_1$ Глр Гр$_1$ Грн Грч$_3$ Грш Гс Дл Дш Е Ер ИМ Кв Кн Крч Л Лвр Лм$_1$ Мв Мр Н$_1$ Н$_2$ Нвл О Отб ПЗ Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Птл Пц Пщ РБ РС С Сб Тшк У У$_1$ Чб Шх Щб Щр Юд$_2$ Я Якв$_1$*

85 О стыд! о дерзость наших дней *Вз$_1$ Тр*

89 И днесь учитеся, цари *Алм Влф Е ИМ ЛМ$_1$ Пм Пм$_1$ С Трг Чб*

91 Ни мрак темниц, ни алтари *Ал Б$_1$ БАН$_2$ Бб Бх$_2$ ВВ$_2$ Вз Вк Всл Гв$_3$ Гд Гдк Гл$_1$ Глб Гр$_1$ Грш Гс Дл Дш Е Ер Кн Л Лвр ЛМ$_1$ Мр Н$_2$ О Отб ПЗ Плт$_1$ Пм Пм$_1$ Пт Птл Пц Пщ РБ РС С Сб У У$_1$ Чб Щбб Юд$_2$ Я$_1$ Якв$_1$*

94 Под сень надежного закона *Бб Блк Бх$_2$ Вз$_1$ Влф Грч$_3$ Грш Гс Плт$_1$ Тр Юд$_2$ Якв$_1$*

95 И станут верной стражей трона *Б$_1$ Бб Вз Вк Гв$_3$ Гдк Грн Гс Дш Е Ер Крч Л Мв Отб Пм Пм$_1$ Пц Пщ РС Сб У Чб Я$_1$ Якв$_1$*

«НЕ УГРОЖАЙ ЛЕНИВЦУ МОЛОДОМУ...»

(Стр. 46.)

Черновой автограф.

(ЛВ 64, л. 78 об.)

Не угрожай ленивцу [1] молодому
Безвременной кончины я не жду [2]
В венке любви к приюту гробовому [3]
Не думав ни о чем без робких слез иду [4]

Я мало жил, я наслаждался мало . . . . [5]
Но иногда цветы веселья рвал — [6]
Я жизни видел лишь начало [7]
[НО] [8]

КРИВЦОВУ.

(Стр. 47.)

А. Черновой автограф.

(ЛВ 64. л. 78 об.)

[Угрожай мой милый друг
Близкой кончиной] [9]

*

[1] *а.* счастливцу б. страдальцу
[2] *Начато: а.* Безвременным
б. Безвременной кончины
в. Мучительным концом
г. Безвременным концом
g. ⟨*Нрзб.*⟩
е. Я тихо смерти жду
ж. Которой ⟨?⟩
[3] *а.* Судьбою ко гробу я немому
б. *Как в тексте.*
в. Не думая ⟨?⟩ к приюту гробовому
[4] *а. Начато.* Без ропота, без
б. Без робких слез, без ропота иду
[5] Я мало жил, я м⟨ало наслаждался⟩
[6] *Начато:* Но иногда весе ⟨....⟩
[7] Я жизни знал одно начало
[8] Кто знает
[9] *Ср. черновой текст стих. „Не угрожай ленивцу молодому....“ (стр. 526).*

Не пугай мой умный друг
Нас подземным новосельем [1]
Право нам таким бездельем [2]
Заниматься недосуг!
Пусть кипящей [жизни] чашу
Тянет медленно <другой>
Сочетаем мл<адость> нашу
Мигом<?> с ночью гробовой [3]
[наши урны
На пороге гробовом]

*

[песни припевая
Сядем в дружеский кружок«?»]

*

[Каждый у своей могилы
сядем] на порог

*

Каждый у своей гробницы

---

[1] *Ст. 1—2:*
а. Угрожай ты мне мой друг
мрачным новосельем
б. Угрожай ты мне мой друг
Гроба мрачным новосельем
в. Угрожаешь ты мой друг
Мне подземным новосельем

[2] *а.* Этим бездельем
б. Право мне таким бездельем

[3] *Вместо ст. 5—8:*
а. Недосуг! ... дай чашу жизни
Выпить до дна
б. жизни чашу
Выпить медленно до дна
в. Пусть [*нрзб.*] жизненную чашу
Пьет медл⟨ительно⟩ ⟨другой⟩
Мы скорее младость ⟨нашу⟩
Свяжем с ночью гробовой
г. Пусть унынье в жизни нашей
Пьет медл⟨ительно⟩ другой
Съединим мы зорю нашу
Мигом с ночью гробовой

Мы<?> присяд<ем> на порог [1]
От Пафосск<ия> царицы [2]
Свежий выпросим [3] венок
Лишний час   у лени [4]
                 вино сосуд [5]
И то<лпою><?> [6] наши тени
К тихой Лете убегут — [7]
Смертный миг наш будет светел — [8]
Други юных шалунов [9]
Соберут их легкой пепел [10]
В кубки радостных пиров [11]

Б. Варианты копий.

Заглавие: К Кривцову. — *Дл Квл Ш*
1 Не пугай нас, умный друг — *Дл Квл Ш*
5 Пусть унылой жизни чашу — *Дл*
7—8 Мы же жизнь утратим нашу
Вместе с юностью драгой — *Дл Квл Ш*
15 И толпяся наши тени — *Дл Квл Ш*
18 И подруги мудрецов — *Квл Ш*
— И подруги мертвецов — *Дл*

В. Варианты белового автографа.

(ПБЛ 2)

Заглавие: а. Анаксагору ⟨⟨?⟩⟩.
б. К Анаксагору.
7—8 Лучше вдруг зарю мы нашу
Сменим ночью гробовой
10 Мы приляжем на порог
14 Лишний осушим сосуд
Под текстом: 1817.
Дек.

Г. Заглавие в оглавлении СП.

Кривцову. 1819.

---

[1] *Ст. 1—2:*
а. Каждый у своей гробницы
[сядем] ляжем на порог
б. мраморной гробницы
ляжем на порог
[2] *а.* для царицы
б. Все для царицы
в. Там для царицы
[3] выпросим *зачеркнуто и восстановлено.*
[4] *Ст. 3—8 приписаны позднее ст. 9—12.*
[5] *Вместо ст. 5—8:*
а. [У веселья] у Лени— —
лишний [час] миг ⟨⟨?⟩⟩
б. веселья <?> лишний час
в. ⟨*Нрзб.*⟩ *г.* Он
[6] *а.* И со смехом ⟨?⟩ *б.* И к *в.* И со сме⟨хом⟩ ⟨?⟩
[7] *Начато:* Вдруг поды⟨мутся⟩ ⟨?⟩
[8] *Вместо ст. 9:*
Краткой век наш будет светел
И
[9] *Начато:* Руки резвых ⟨*нрзб.*⟩
[10] Соберут наш пепел
[11] *а.* В чашу светлую пиров
б. В чары светлые пиров

1818

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

(Стр. 51.)

А. Варианты редакции 1819 г.[1]

(Вс. Дл и Квл).

1—6 Откуда чудный шум, неистовые клики?
Что значит дальний сей тимпан?
И путь усыпанный листами повилики
И хоры громкие веселых поселян?
В их круге праздная свобода
Нарвала праздничный венок,
10—13 Счастливый Индии герой!
О радость! полные тобой
Готовы грянуть струны
Не лицемерною хвалой!....
14—17 отсутствуют.
18 Вот он! вот Бахус! час отрадный!
25—31 И гимны радости поют.
За ним теснится по дороге
Сатиров козлоногий рой:
Опутаны цветами роги
И виноградною лозой.
Шатаясь тянутся станицей,
Кто с тростниковою цевницей,
37—48 Но дале вижу дивный ход![2]
Звучат веселые тимпаны.
И с пеньем юные Сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижного Силена...
Из чаш, наполненных вином,
Летит на старца хладна пена,

---

[1] *Варианты ст. 1—12 печатаются по Дл, т. к. в Вс они утрачены, остальные по Вс.*
[2] *В Вс ошибка (?)писаря:* По дале вижу дивный ход
В Квл: Вот дале вижу дивный ход

И грозды[1] сыплются дождем;
Несут за спящим стариком
И тяжкий тирс, плющем обвитый,
И старый кубок золотой,
Обширной крышею покрытый —
Подарок Вакха дорогой.
55—58 Помчалися, летят, свиваются руками,
Со смехом топчут пышный луг.
И младость пылкая стекается толпами
Прелестниц дерзостных вокруг.
63 И взоры полные томленьем
69—73 Восторг безумный наслажденья.[2]
Но вот рассыпались — по холмам и полям;
Махая тирсами как призраки несутся
Уже вдали их вопли раздаются
И слабый гул чуть бродит по лесам
Вм. 80—81 В стакан, весельем освященный
Теки вино струею пенной
Из рук влюбленной красоты.

Б. Варианты 1825 г.

(исправления в Вс)[3]

25 И гимны буйные поют. ○
28—31 Плющом опутаны их роги
И виноградною лозой.
Толпой бегут за колесницей,
Кто с тростниковою цевницей ○
Вм. 37—40 *а.* Там дале[4] вижу дивный ход
Звучат веселые тимпаны
И с пеньем нимфы и сильваны[5]
Составя шумный хоровод
б. *Зачеркнуты.* ○
42—43 а. Из чаш наполненных вином
На старца хладна льется пена

---

[1] *В Вс и Дл:* гроздья
[2] В *Квл и Дл:* Восторг безумный, наслажденье
Ст. 65 в Квл отсутствует.
Ст. 67 в Квл и Дл: Стыдливость, милое смятенье
[3] *Остальные поправки приводят к печатному тексту.*
[4] Но дале
Исправлено Пушкиным вместо ошибки ⟨?⟩ писаря: По дале
[5] *Стих начат:* ⟨*В*⟩ ⟨?⟩ дубрав⟨ы⟩ ⟨?⟩

б. Струится и вино <и> пена
И розы сыплются кругом ○
47 *а.* [Покрытый] Хранимый крышею обширной
б. Венчанный крышкою обширной
56 *а.* *Как в тексте.*
б. Ужасной пляской топчут луг ○
64 *а.* *Как в тексте.*
б. счастие лови! ○
73 И гул глухой их бродит по лесам ○
Вм. 80 *а.* в кубок освященный
Теки вино струею пенной
б. В Кипридой кубок освященный
Теки вино струею пенной ○

В. Отличия СП.[1]

Заглавие в оглавлении: Торжество Вакха. 1817.
Вм. 45—48 И тирс, символ победный мира,
И кубок, тяжкой золотой,
Подарок Вакха дорогой.[2]

КН. ГОЛИЦЫНОЙ

посылая ей оду «Вольность».

(Стр. 53.)

Отличия автографов и копии.

Заглавие: Кн. Г — ой
Посылая ей Оду Вольность *Авт Вз₁*

— К К. Г.,
посылая ей оду: Свобода *Вс*
Под текстом: 1817.[3] *Авт*

---

[1] *Ст. 28 в тексте СП читается:*
Плющем опутаны их ноги;
но среди исправлений опечаток указано, что напечатано: **ноги**, *надобно поправить:* **роги**
[2] *Варианты, явившиеся следствием неверного прочтения рукописи Пушкина редактором „Стихотворений Пушкина" изд. 1826 г., Плетневым.*
[3] *Дата относится и к тексту „Вольности".*

«КОГДА СОЖМЕШЬ ТЫ СНОВА РУКУ».

(Стр. 54.)

Варианты автографа.

(ПБЛ. 3)

10 Останься век таков как ныне

Под текстом: 1818
Марта 2

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

(Стр. 55.)

А. Варианты первой редакции (1818 г.)

(Нз$_1$ и Щр).

Элегия.[1]

1 Тебя ли видел я, жестокой милый друг,
3 Волненье смутных дум, и[2] пламенный недуг
6—8 Ты ль, дева робкая, стояла надо мной
В одежде воина, в неловкости приятной?
Так! видел я тебя; мой томный[3] взор узнал
Между 10 и 11 На саблю опершись, казалось, ты дрожала,
Я зрел в твоих очах уныния туман,
Казалось, тяжкая тоска приподнимала
Накинутый на перси доломан —
11—12 И <вновь> в уме моем стеснились мрачны грезы:[4]
Вновь сердцем онемев, забылся в душной мгле[5]
18 И скрылась ты прелестным сновиденьем.
Вм. 24 И чуждым поясом объятый крепко стан,
И сей ревнивый доломан,
27—28 Приди — я жду тебя! Здоровье, дар благой,
На стон любви твоей вновь отдали мне боги,

Б. Варианты 1819 г. (Вс, Дл и отрывок Квл — ст. 25—30.)

1 Тебя ли видел я, прелестный милый друг *Вс Дл*
4 Обманом взволновал мое воображенье *Дл*
6 Ты ль дева робкая стояла надо мной *Вс Дл*

---

[1] *В Щр:* Элегия. 1818.
[2] *В Щр:* иль
[3] *В Щр:* темный
[4] *В Щр ст. 11—12 отсутствуют. В Нз$_1$ ст. 11 ошибочно написан:*
И вдруг в уме моем стеснились мрачны грезы
[5] *Ст. 16 в Щр:* Желаний жизни огнь по сердцу пробежал!

8 Так, видел я тебя. Мой темный взор узнал *Вс*
— Так! видел я тебя, мой томный взор узнал *Дл*
На саблю опершись казалось ты дрожала,
Между 10 и 11 Я зрел в твоих очах уныния туман,
Казалось — тяжкая тоска приподнимала [1]
Накинутый на перси долеман *Вс Дл*
11 И вновь в моем уме стеснились мрачны грезы *Дл*
12 Вновь сердцем онемев забылся в мертвой мгле *Вс*
— Вновь сердце онемев забылось в мертвой мгле *Дл*
16 Желанье — жизни огнь — по сердцу пробежал! *Дл*
Вм. 24 И чуждым [2] поясом объятый крепко стан
И сей ревнивый долеман *Вс Дл*
27 Приди, я жду тебя: здоровье, дар благой *Дл*
28 На стон любви твоей мне возвратили боги *Вс Дл Квл*

В. Варианты 1825 г. (Вс).

Помета у заглавия: 1818

1 Тебя ли видел я, мой друг?
6 Ты ль дева робкая стояла надо мной
11 Но вновь в [душе] [3] моей стеснились мрачны грезы
12 *а.* Вотще мой слабый взор искал тебя во мгле
б. Вотще мой томный взор искал тебя во мгле
24 *а.* *Начато:* И стан
б. *Начато:* И кудри ○
28 На стон твоей любви мне возвратили боги, ○
30 Любви и шалости младой [4]

Г. Варианты Кп.

Заглавие: Элегия, V. Выздоровление. (1818).
7 В одежде ратника с неловкостью приятной? ○
8 Так, видел я тебя! Мой темный взор узнал
12 Вотще мой слабый взор искал тебя во мгле... ○

Д. Отличие СП.

Заглавие в оглавлении: Выздоровление. 1818.

---

[1] *В Дл:* приподымала
[2] *В Дл искажение:* чудным
[3] *Зачеркнутое слово:* душе *дало основание редакторам СП взять слово* уме, *стоявшее в основном тексте Вс.*
[4] *Кроме того, зачеркнуты четыре стиха между ст. 10 и 11 и два стиха вместо ст. 24, т. е. исправлено как в тексте.*

ЖУКОВСКОМУ.

(«Когда к мечтательному миру...»)

(Стр. 56.)

А. Первая редакция — 1818 г.
(копия Жуковского в ГАФКЭ).

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилён,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь волшебным упоеньем;
Когда, возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе —
Ты прав: творишь ты *Для Немногих!*
Не для подкупленных судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов!
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В завидный получил удел
И твой восторг уразумел,
Восторгом сладостным и ясным!..
Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там — в дыму столетий!
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,
С сынами доблести прямой!
От сна воскресшими веками
Он бродит тайно окружен,

И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной...
И в нем трепещет вдохновенье!

Б. Отличия от копии Жуковского текста „Сына Отечества".

Заглавие: К Ж***. *По прочтении изданных им книжек: Для немногих.*
4 Томясь мятежным упоеньем
15 Ревнивых милостью своей

В. Варианты редакции 1819 г.

(Вс, Квл, Дл).

2 Стремяся творческой душой [1]
Вм. 10 Не для подкупленных судей
Ничтожной завистью своей,[2]

Г. Варианты 1825 г.[3] *(Вс).*

3 И держишь на коленях лиру [4]

После ст. 22 прибавлены ст. (28)—(44) первой редакции (см. выше — под буквой А) [5].

Д. Отличия СП и СП₁.

Заглавие: Жуковскому. *На издание книжек его: Для немногих.* 1818. — *СП (в оглавлении)*
— Жуковскому. *На издание книжек его: Для немногих* — *СП₁ (в оглавлении)*
3 Ты держишь на коленях лиру — *СП СП₁*

После ст. 22 следуют ст. (28) — (44) первой редакции

---

[1] *Первые два стиха в Вс не сохранились.*
[2] *В Дл:* Не для подкупленных судей
Ничтожной важностью своей
[3] *Заглавие и ст. 1—2 в Вс не сохранились.*
[4] *Кроме того, ст. 11 (вместо двух—см. выше варианты под буквой В) исправлен как в тексте.*
[5] *В рукописи Пушкиным приписано:* И прочее см. С. О. 1821 № послед.

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО.

(Стр. 57.)

Варианты автографа (ГЛМ), Блг и копий.

Заглавие: Надпись к портрету Жуковского *Блг ГЛМ Грч₉*
— К портрету Ж. *Вс*
1 Стихов его пленительная сладость *Грч*
2 Пройдет времен в таинственную даль [1] *Блг Вс ГЛМ Грч₉ Дл Квл Н₂*
— Пройдет времен таинственную даль *Грч Гч*
3 Услыша их, воспламенится младость [2] *Блг Вс Грч Грч₉ Гч Дл Н₃*
— Внимая им, воспламенится младость *ГЛМ*
4 Безмолвная утешится печаль *Блг Грч Грч₉ Н*

«МОГУЩИЙ БОГ САДОВ — ПАДУ ПЕРЕД ТОБОЙ...»

(Стр. 59.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 42)

Могущий [3] бог садов — паду перед тобой, [4]
Прияп, ты коему всё жертвует в при<роде> [5]
Твой лик уродливый поставил я с мольбой [6]
[В моем смиренном огороде] [7]

---

[1] *В 1825 г. ст. 2—3 в Вс исправлены как в тексте.*
[2] *В Квл стих отсутствует.*
[3] *Начато: а.* Могуч⟨ий⟩ *б.* Могуший *в.* Чудесный
[4] *Второе полустишие: а. Начато.* под кровом лип
б. в тени столетних лип
в. под липой долголетной
г. под липой многолетной
д. под липою столетней
е. под липой вековою
[5] *а.* Кому всё жертвует в природе
б. Кому ⟨все⟩ ⟨?⟩ молятся всё жертвует в природе
в. Начато: Ты коему
Этот стих вписан.
[6] *а. Начато:* Поставил я
б. Твой лик поставил я в тени
в. Начато: Твой образ
г. Твой лик уродливый поставил я в тени
[7] *Начато:* Не с ⟨тем⟩

Не с тем чтоб удалял ты своенравных коз [1]
И пти[чек] от [плодов] и нежных <и> незрелых [2]
Тебя украсил <я> венком <из> диких роз [3]
При пляске поселян веселых [4]

Не с тем чтобы

«ДУБРАВЫ, ГДЕ В ТИШИ СВОБОДЫ...»

(Стр. 60.)

А. Черновой набросок.

(ЛБ 64, л. 42)

O Zauberei[5] der ersten[6] Liebe! ..
Wieland

[Я вижу вновь сии дубровы —
Сии счастливые поля [7]]

*

Дубравы [8] где в тиши свободы [9]
Сиял мне счастьем каждый день [10]

---

[1] а. *Начато:* Где и ⟨?⟩
б. Не с тем, чтоб отгонял ты жадные стада
в. Не с тем, чтоб удалял ты резвые <?> стада
г. Не с тем, чтоб прогонял ⟨?⟩
[2] а. *Начато:* Иль птиц
б. И птичек от плодов незрелых
в. И птичек отгонял от ягод не⟨дозрелых⟩ ⟨?⟩
[3] *Начато:* а. И пчел б. Тебя украсил в. Тебя венком украсил я г. Его украсили
[4] а. Принес тебе ягнят веселых
б. *Начато:* От
в. При песнях мирных и веселых
г. При пеньи поселян веселых
[5] *Первоначально, ошибочное:* Zauberei
[6] *Первоначально, ошибочное:* erste
[7] луга
[8] *Ст. 1—2 вписаны.*
[9] *Ст. 1:*
а. *Начато:* Приют
б. Дубравы тиши свободы
в. ⟨*Нрзб.*⟩
[10] *Ст. 2:*
а. Я знал день
б. Я встретил любовь
в. *Начато:* Я встретил счастье
г. Встречал я счастьем каждый день

Ступаю вновь под ваши своды [1]
Под вашу дружескую тень —
[Иду и вновь передо мною] [2]
Знакомая [синеет] даль
[И в сердце трепетном<?>]
Восторг и сладкая печаль [3]

Б. Второй черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 43 об.)

Дубравы где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день [4],
Ступаю вновь под ваши своды
Под вашу дружескую тень.—
И для [меня] воскресла радость [5]

---

[1] Вхожу я вновь под ваши сени
[2] а. *Начато:* Иду с невольным
б. Иду и вижу предо мною
Вновь
в. Иду и вижу предо мною
Знакому⟨ю⟩ даль
г. *Начато:* Знакомая
д. *Начато:* Поля знакомые
е. Холмы, знакомые березы ⟨?⟩
ж. Иду и вновь
[3] а. с⟨ердце⟩ ⟨?⟩
Стесняет радость и печаль
б. Стесн⟨и⟩ла сладкая печаль
в. Стеснила радость и печаль
г. И в сердце трепетном ⟨?⟩ проснулась
Давно забытая печаль
д. Давно заснувшая печаль
[4] Сиял мне счастьем каждый день
[5] а. Минувшей жизни наслажденье
Воскресло
б. Минувшей жизни наслажденья
Воскресли вновь передо мной
в. Увядшей жизни наслажденья
Воскресли вновь передо мной
г. Увядшей жизни наслажденья
Проснулись вновь передо мной
д. Ужель минувшей жизни радость
Еще знакома
е. Ужель минувшей жизни радость
Не вовсе позабыта мной
ж. Ужель моя воскресла радость
з. Я здесь оставил жи⟨зни⟩ ⟨радость⟩
и. Я ⟨*нрзб.*⟩
к. Где ты минувшей ⟨?⟩ ⟨жизни радость⟩ ⟨?⟩
л. И нахожу радость
И сердца первую любовь

«Мечтателю». Черновой автограф.
Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
Москва. Тетрадь № 2364, л. 43.

И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость [1]
Тоски мучительная сладость [2]
[И сердца первая] любовь [3]

Не ты ль чудесный Гений мой [4]
Меня страд.<анью> покор.<ила> [5]
И хладный [6]
Безумной страсти научила [7]

Любовник муз уединенный [8]
В с<ени пленительных> дубрав [9]
Я был свидетель умиленный [10]
Ее [младенческих] забав [11]

---

[1] *Стих вписан.*
[2] *а.* И скорби сладость
б. И слез мучительная сладость
[3] *а.* И мирной любовь
б. Души любовь
в. И ты, о первая любовь
г. И сердца первую любовь
[4] *а. Начато:* И ты, которой
б. И ты, которая навек
в. Начато: Пред ⟨*нрзб.*⟩
г. Чудесный ангел, ⟨*нрзб.*⟩
д. Не ты ль жестокою ⟨*нрзб.*⟩
[5] *Стих вписан.*
[6] *Стих вписан. Начато:* Не ты ⟨ль⟩
[7] *а.* Меня к унынью приучила
б. Меня безумью научила
в. Любви безумной научила
[8] *Начато:* Не ты ⟨ль⟩
а. Свободы друг уединенный
б. Питомец муз уединенный
Перед этим стихом наброски: а. Съ *б.* О в. Она мне *г.* Не знаешь ⟨?⟩! *д. Она*
г. Я видел *д.* Она е. Бла⟨....⟩
ж. Она при мне
Цвела
з. Она при мне
Вчер⟨а⟩ расцветала
и. Она при мне
Красою нежной расцветала
В уединенной тишине
к. Ее младенчественн. *л.* Я видел *м.* Знакомо ⟨....⟩
н. Млад⟨....⟩ о. Юность
[9] *а.* В сени пленительных дубрав
б. В тиши [пленительных] дубрав
[10] Я был свидетелем счастливым
[11] *а. Как в тексте.*
б. Ее пленительной весны

Она цвела передо мною[1]
И <я>[2] чудесной[3] красоты
Уже отгадывал мечтою[4]
Еще неясные черты —
И мысль об ней одушевила
[Моей] цевницы первый звук[5]
[И тайне сердце научила][6]

МЕЧТАТЕЛЮ.

(Стр. 61.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 43)

Ты в горести любви находишь наслажденье —[7]
Тебе приятно слезы лить —
Бесплодным пламенем томить воображенье[8]

---

[1] *Перед этим стихом наброски: а.* Я был *б.* Сердцем *в.* Я видел *г.* *д.* Я пылким сердцем обожал
[2] Ее
[3] *а. Как в тексте.* б. волшебной *в.* стыдливой ⟨?⟩ *г.* невинной
[4] Ловил я пламенной душою
[5] *Ст. (9)—(10):*
а. Она внушила
Влюбленной лире первый звук
б. И мысль ⟨*нрзб.*⟩ одушевила
Пустынной лиры первый звук
[6] *а.* И н⟨....⟩ б. И серд⟨це⟩
в. Напевам страсти ⟨научила⟩
г. Она *д.* Безумной е. Она к унынью ж. Меня з. Она ль не
и. И тихо душу приучила
К тайнам
к. И тихо душу научила
Унылой тайне
л. И тайне сердце научила
м. Меня
н. Невольно к ⟨тайне приучила⟩ ⟨?⟩
Поправка: И не приметно ⟨?⟩ приучила
[7] *а. Начато:* В мучениях любви ты
б. Ты в горестях любви находишь наслажденье
в. *Как в тексте.*
г. Ты в горестной любви находишь наслажденье
д. Начато: Ты ⟨*нрзб.*⟩
е. В несч.⟨астиях⟩ любви находишь наслажденье
[8] *а. Вместо ст. 3—4:*
И в сердце дремлющем усталом от
Надежду темную таить
б. Ласкать неясных ⟨?⟩ дум безумные творенья
в. Ласкать души безумные творенья
г. Ласкать создания воображенья ⟨⟨?⟩⟩
д. Безумным пламенем [ласкать] питать ⟨⟨?⟩⟩ воображенье

И в сердце тихое безумие таить —[1]
[Ты любишь быстрый жар   мечтанья[2]
Надежды легкие пленительные <сны>[3]]
И трепет сладостный желанья[4]

Поверь мне! ты еще не знал любви[5]
И мрачной ревности не ве<даешь> мученья[6]
И дум убийственных и пламени в крови
И беспрерывного волненья.[7]
Когда б во мраке полуночи[8]
Забыв дремоту и покой[9]

---

[1] *а.* И в сердце [томные] нежные страдания таить
б. И в сердце томное страдание таить
[2] *Начато: а.* Приятно чувствовать
б. Приятно обнимать
в. Ты любишь обнимать
г. Ты любишь томный жар мечтательных
д. Ты любишь томный жар мучительных
е. Ты любишь томный жар мечтательных желаний
ж. Ты любишь томный жар обманчивых желаний
з. Ты любишь томный жар пленительных мечтаний
и. Начато: Тебе приятно
к. Ты любишь едкий жар обманчивых мечтаний
л. Ты любишь быстрый жар мучительных желаний
[3] *а. Начато:* Надежды тщетные
б. Надежды легкие, обманчивые ⟨сны⟩
в. Надежды легкие, пленительные ⟨сны⟩
Начато: г. И сны волшебные *д.* Обманы милые
е. Надежды томные ⟨?⟩, минутные цве⟨ты⟩
[4] И трепет сладостных желаний
[5] *а. Вместо ст. 1—4:*
Несчастный!.. ты еще не ведаешь любви —
Не знаешь мрачного мученья
Волненья пламенной крови
И беспрерывного волненья
б. Начато: Так ведай
в. Сч⟨астливец⟩ ты еще не ведаешь любви —
В рукописи слово счастливец *обозначено буквой:* Щ —
[6] *а.* Не знаешь страшного мученья
б. ⟨*Нрзб.*⟩ тяжелого мученья
в. Ни мрачной ревности мученья
[7] *Ст. 1—4:*
Поверь мне ты еще не знал   любви
Ни мрачной ревности не ве⟨даешь⟩ мученья
Ни дум убийственных ни пламени в крови
Ни беспрерывного волненья
[8] *а. Вместо ст. 5—8:*
О если б ты во мраке ночи
забытый сном
Вотще смыкая [то⟨мны⟩ ⟨?⟩] скорбны очи
б. О если б ты в молчаньи полуночи
[9] Забыв   покой

Терзаемый<?> безумною тоской [1]
Вотще смыкая скорбны очи —
Покровы жаркие рыдая обнимал — — — [2]
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья — [3]
Тогда б ты в сердце <?> не питал [4]
Неблагодарного мечтанья.—

Тот любит кто ни где не зрит себе препон
Кто кому любовь <закон>

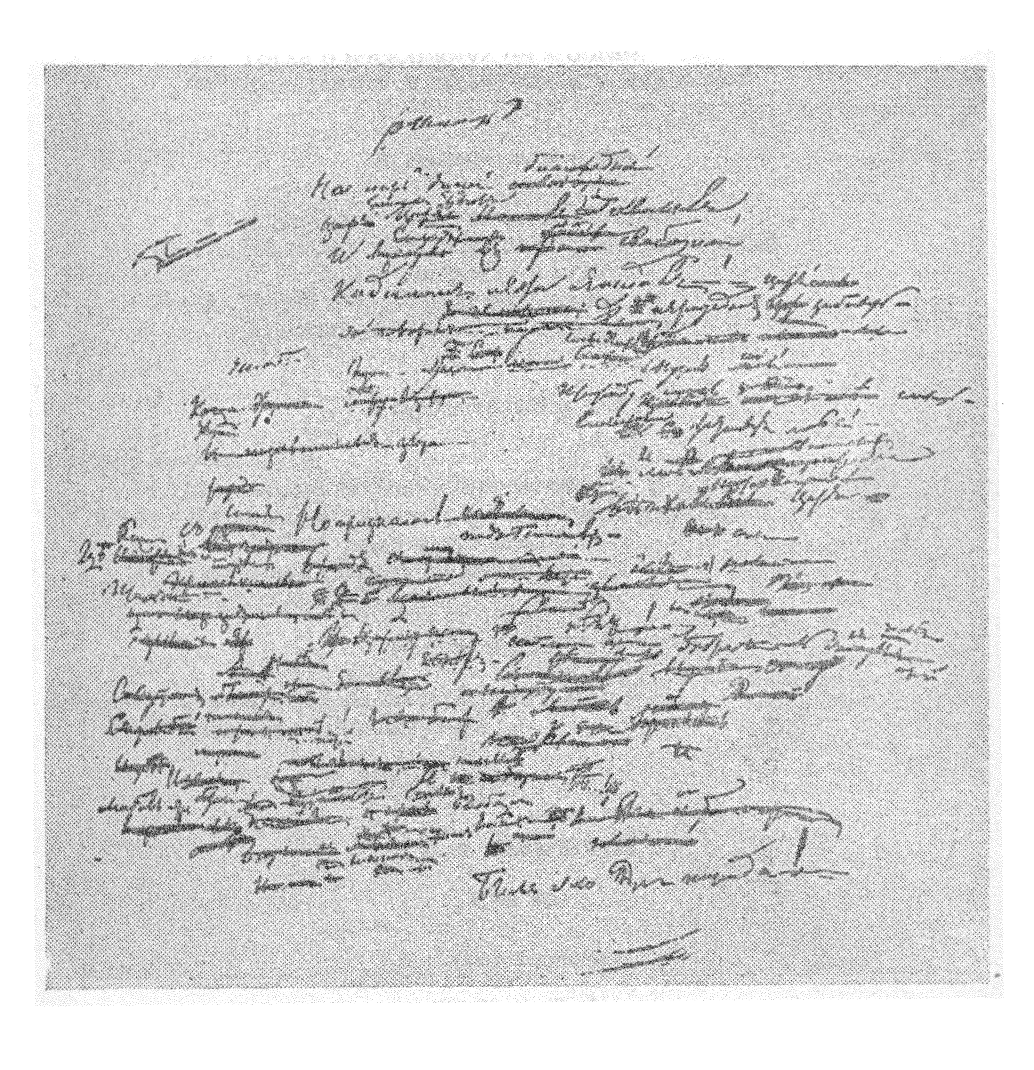
За ночь волшебную кто жизнь отдать <готов> [5]

Скажи в забвеньи чувств восторгом упоенный [6]
Ты падал ли к ногам любовницы надменной [7]
Мольбой, угрозою гремел ли перед ней [8]
Срывал ли ты затвор с завистливых дверей [9]

<Тот любит кто ни где не зрит себе препон —>
Кому одна любовь и вера и закон [10]

---

[1] *а. Начато:* У ⟨?⟩ ⟨...⟩ *б.* На ложе где
в. На ложе скованный тлетворною тоской
г. На ложе скованный [без⟨умною⟩] ужасною тоской
д. Начато: На ложе где
е. На одре
ж. На ложе ранн⟨ем⟩ ⟨?⟩
з. В тишине на ложе одиноком
[2] *а. Начато:* Сож⟨женный⟩ ⟨?⟩ *б. Начато:* Рыдая обнимал — — —
[3] И сохнул в бесплодного желанья
[4] *а.* Тогда б не стал ты призывать
Свои мечтанья
б. Тогда бы ты не призывал
Любви [волшебные] волшебного мечтанья
в. Тогда б ты в сердце не питал
Любви безумного мечтанья
[5] *Начато: а.* Кому и *б.* Кто выше и богов
в. Кто за день радости [отдаст] отдать и жизнь ⟨готов⟩
[7] *Начато:* Ты падал ли к ногам свое⟨й⟩
[8] *а.* Гремел ли речию пред ней ....
б. Языком гремел ли перед ней....
в. Угрозой страстию ⟨?⟩ гремел ли перед ней
[9] *а.* Срывал ли ты [замок] затвор с безжал⟨остных⟩ дверей
б. Вместо ст. 3—4:
презря всё насильною рукою
Срывал ли ты затвор с завистливых дверей
[10] *Начато: а.* Кому одна любовь *б.* Кто дышет
в. Кому любовь закон

«К Н. Я. Плюсковой». Черновой автограф.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
Москва. Тетрадь № 2364, л. 42 об.

Б. Варианты „Сына Отечества".

Заглавие: К мечтателю.
4 И в сердце хладное страдание таить
10—11 На ложе медленно растерзанный тоской,
Забыв надежду и покой
19 Дрожащий, дикий, исступленный
20 Тогда б воскликнул он к богам
23 Довольно я страдал, отдайте мне покой

В. Варианты 1819 г. (Вс).

4 И в сердце мертвое уныние таить
10—11 На ложе, медленно растерзанный тоской
Забыв надежду и покой
18—19 Твоей любовницы надменной,
Дрожащий, дикой исступленный

Г. Варианты 1825 г. <Вс>.

Помета у заглавия: 1819.
4 И в сердце мертвое уныние таить
10—11 На ложе, медленно растерзанный тоской,
Забыв надежду и покой
18 Твоей любовницы надменной[1]

Д. Отличия тетради Капниста.

Заглавие: Элегия IV (1818). Мечтателю.
11 Зовя утраченный покой ○

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ.

(Стр. 62.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 42 об.)

На лире дикой благородной[2]
Земных богов я <не> хвалил[3]

---

[1] *Ст. 19 исправлен, как в тексте.*
[2] На лире дикой и свободной
[3] *а.* Царей молил
б. Начато: Земных царей
в. хвалил

И трону<?> [с гордостью] свободной[1]
Кадилом лести не кадил — ! —[2]
Природу лишь умея славить
Стихами жертвуя лишь ей
Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою своей[3]
Но признаюсь под Геликоном[4]
Где Касталийский ток шумел[5]
Приосененный <Аполлоном>[6]
[Царицу] нашу втайне пел!..[7]

---

[1] *а.* И счастью в гордости свободной
б. И силе с гордостью свободной

[2] *Дальше зачеркнуто:*
а. Я говорил — пускай Де⟨ржавин⟩
б. Пускай Жук⟨овский⟩ нам в. Я не игрушка
г. Когда Жуков⟨ский⟩ лиру в руки
⟨ ⟩
И независимые звуки
Рожд⟨аются⟩ ⟨?⟩
д. Когда сво⟨...⟩ в руки
Жук⟨овский⟩
И независимые звуки

[3] *Стихи 5—8:*
а. Я не рожден царей забавить
Среди их пышного двора
б. Я не рожден царей забавить
Смиренной Музою моей —
Победы их не смею славить
в. Я не рожден слав⟨ить⟩
г. Природу лишь [умею] умея славить
[И] [Съ] Стихами жертвуя лишь ей
Не мне венок еще прибавить
К венку ⟨*нрзб.*⟩ царей —
Варианты двух последних стихов:
д. И мне ль еще венок прибавить
К венкам торжественным царей
е. И мне ли свой венок прибавить
К венкам торжественным царей
ж. Стихи 5—8:
Природу лишь умея славить
Стихами жертвуя лишь ей —
⟨Я⟩ не рожден царей забавить
Смиренной Музою своей

[4] Но признаюсь над Иппокреной

[5] *а.* с задумчивой душой
б. Бродя с задумчивой душой
в. Где Иппокрены ток шумел
г. Один [в з⟨...⟩] задумчиво сидел

[6] *а.* Я вдохновенный Аполлоном
Начато: б. ⟨*Нрзб.*⟩ *в.* Я часто
г. Я ⟨*нрзб.*⟩ лиры звоном

[7] *а.* царицу нашу пел
б. Царицу нашу пел

Небесного земной свидетель[1]
Восп<лamененною><?> ду<шо>й<?>[2]
Я пел на троне<?> добродетель[3]
С ее приветною красой[4]
Любовь и тайная[5] свобода
Внушали сердцу гимн простой<?>[6]
И неподкупный <голос мой>[7]
Был эхо русского народа! —

Б. Отличия копий и публикаций.

Заглавие: К И. Е. А. — *Вз Грч Оф*

— Императрице Елизавете — *Кв*

— К Елизавете — *Пт*

— К Елисавете — *Алм*

— Елизавете Алексеевне — *Гк*

— Елизавете — *Сб Щб*

1 На лире дикой, благородной — *Вз Грч Грч$_5$ Мв Н$_2$ Н$_3$*

5 Свободу лишь умея славить — *Алм ВВ$_3$ ВВ$_4$ В$_3$ Гв$_6$ Гg Грч Дл Кв Кл Л ЛМ Мв Н$_1$ Н$_3$ Оф Пт Ш Щб*

8 Стыдливой музою своей — *Вз Грч Кл Мв Н$_2$ Оф У*

14 С воспламененною душой — *Алм Блн ВВ$_4$ Вз Гв Гв$_3$ Гв$_6$ Гg Грч Грч$_5$ Дл Дш Кв Кл Кн ЛМ ЛМ$_1$ Мв Мg Н$_1$ Н$_2$ Н$_3$ Отб Оф Пт У Щ Щб Юg*

15 Я пел с восторгом добродетель — *Вз Грч Мв Н$_2$ Н$_3$ Оф*

18 Внушили сердцу гимн простой — *ВВ$_4$ Грч Кл Кн Н$_3$ Пт Ш*

---

[1] *Стих вписан.*
[2] *Стих вписан.*
[3] *Стих намечавшийся 13-м:*
Я пел в восторге в упоеньи
[4] *Наброски к стихам 14—16:*
а. Любовь русской ⟨?⟩
б. Начато: Любовь надежду в. Не ⟨*нрзб.*⟩
г. красой ⟨?⟩
g. прелесть
е. Со взором благости небес
ж. С улыбкой ангела
з. С улыбкой мира и любви
и. С улыбкой голосом
к. И ⟨*нрзб.*⟩
л. ⟨*нрзб.*⟩
м. С неувядаемой красой
[5] *а.* смелая *б.* гордая *в.* смелая *г.* верная ⟨?⟩
[6] Внушали мне ⟨*нрзб.*⟩
[7] *а.* И голос мой
б. Мой глас свободный и простой ⟨?⟩

В. Варианты белового автографа.

(ПД 26).

Заглавие: К Н. Я. П.
5 Природу лишь умея славить
13 Небесной благости свидетель
14 С воспламененною душой О

Г. Отличия „Соревнователя."

Заглавие: Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны.
5 Природу лишь учася славить

К ***.

(«Счастлив, кто близ тебя...»)

(Стр. 63.)

Вариант автографа.

(ЛБ 64, л. 41 об.)

После ст. 4 начато: К

«И Я СЛЫХАЛ, ЧТО БОЖИЙ СВЕТ...»

(Стр. 64.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 49 об.)

Богиня

*

Замена

*

И я слыхал что дружбы тихой глас[1]
Надежнее чем пламень

*

И я слыхал что белый свет[2]
Одною дружбою прекрасен[3]
Что без нее отрады нет[4]

---

[1] свет
[2] *Второе полустишие: а.* что дружбы мир *б.* что дружбы тихой свет *в.* что бедный мир *г.* что бож⟨ий свет⟩
[3] *Начато:* Прекрасен
[4] *Начато:* И

Что жизни б путь нам был ужасен[1]
Когда <б> не тихой Дружбы свет...

*

Что нас
живит призыв <....> <?>

*

Прекрасно

*

Но я узнал недавно чувство — — —[2]

*

Надежды тихие желанья[3]

*

Но слушай чувство есть другое,[4]
Оно и нежит[5] и <томит>[6]
В трудах заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит — — —[7]

---

[1] *а. Вместо ст. 3—5:*
Что без нее отрады нет
Что жизни путь ужасен
Когда ⟨б⟩ не тихой Дружбы свет... —
я согласен —
б. Что жизни был бы путь ужасен

[2] *а. Начато:* Но есть *б. Начато:* Но знаю
в. Начато: Но знаю чувство — — —
г. Но узнаю недавно чувство ⟨⟨?⟩⟩

[3] *а.* Надежды желанья
б. Надежды пылкие желанья
в. Надежды резвые желанья
г. Любовь, веселые желанья

[4] *а. Начато:* Д ⟨....⟩
б. Но чувство есть другое
в. Но в сердце чувство есть другое

[5] *а.* Оно и мучит *б.* Оно нас ⟨?⟩ мучит

[6] *а.* и мертвит *б.* В *автографе описка:* таит

[7] *Вместо ст. 8—9:*
а. Начато: Оно *б. Начато:* Преследует
в. В трудах заботах и в покое
Всегда пыл⟨ает⟩
г. В трудах заботах и в покое
Всегда горит
д. В трудах заботах и в покое
[Мысль] На
е. Всегда, в заботах и в покое
Как яд мучительный горит —
ж. В трудах, заботах и в покое
Нигде не дремлет [и] горит — — —
з. В трудах, заботах и в покое
Не дремлет и всегда горит — — —

*

Всё ненавистно становится

*

Оно мучительно жестоко[1]
Оно [всю душу] в нас мертвит[2]
Коль язвы пламенной глубокой[3]
Елей Надежды не живит....[4]

*

Но слаще мне[5]

*

Вот страсть которой я сгораю —[6]
Которой вяну и дышу
[Которую в душе ношу]
И ни [на] что не променяю...

*

Безумной горести <?> моей[7]

Б. Варианты белового автографа.

(ПД 27)

2 Одною дружбою прекрасен
7 *Начато:* <Нрзб.>
8 *а.* *Начато:* В з<аботах> <?>
б. *Начато:* В трудах в

---

[1] *Вместо ст. 10—13:*
а. Оно глубоко...
б. Оно в душе глубоко...
в. Оно мучительно жестоко
Когда Надежда не живит....
[2] *а.* Оно нас мертвит
б. Оно душу в нас мертвит
[3] *а.* Коль язвы глубоко
б. *Начато:* Коль язвы жаркой
[4] *а.* Когда надежда не живит
б. Надежда сердца не живит...
[5] *Начато:* Но мне
[6] *Вместо ст. 14—17:*
а. *Начато:* Так ⟨?⟩ *б.* *Начато:* Замену
в. ⟨*Нрзб.*⟩ замену
г. Вот страсть, которой я страдаю —
[Т⟨...⟩] Которой вяну и [живу] дышу
Которую ношу
И ни на ⟨что⟩ не променяю...
[7] В безумной слабости моей
Стих написан в стороне и, может быть, не относится к этому стихотворению.

12 Коль язвы пламенной глубокой
15 Которой вяну и дышу
16 *а.* И ни <на> что не променяю<?> —
б. *Начато:* Но с ней
в. Но излечиться не желаю...

«КАК СЛАДОСТНО!.. НО, БОГИ, КАК ОПАСНО...»

(Стр. 65.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, *л.* 48)

Как сладостно!... но, боги, как опасно[1]
Тебе внимать, твой видеть милый[2] взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный[3]
И огненный [волшебный] разговор![4]
Волшебница — зачем тебя я видел —[5]
[Узнав тебя] — блаженство я познал —[6]
И счастие мое возненавидел

СКАЗКИ.

(Стр. 66.)

Отличия копий и публикаций.

4 А с ним и весь народ — *Гр$_1$ Дл Е Мк Пз Якв Якв$_2$*
5 Мария в хлопотах наследника стращает — *Е Пз Я$_1$*
15 Я ел, и пил, и обещал — *Гр$_1$ Дл Дш Е Зб Л ПЗ Пт Птл Я$_1$*
— Я ел, и спал, и обещал — *Ал*
— Я много, много обещал — *ЕА*
16 И делом не измучен — *Гр$_1$ Дл*

---

1 *а. Начато:* Когда волшебница
б. Начато: Люблю когда волшебница
в. Волшебница! — как сладко, как опасно
г. Волшебница! — как сладко, но опасно
2 *а.* милый *б.* в⟨...⟩
3 *а. Начато:* Забуду ль я отныне
б. Могу ль ⟨забыть⟩ улыбку, взор прекрасный
в. Забуду ли твою улыбку
4 *а. Начато:* Могу ль забыть твой
б. Могу ль забыть волшебный разговор!
в. *Как в тексте.*
г. Начато: ⟨*Нрзб.*⟩
g. И огненный прекра⟨сный разговор!⟩ —
5 *Начато:* Волшебница — отныне
Начато: а. И въ *б.* Узнав тебя — я

17	Узнай еще в прибавку	*Ал $БАН_2$ $Гр_1$ Дл Дш Е ЕА Зб Кв Л ПЗ Пт Птл РБ $Я_1$*
19—20	Лавров пойдет в отставку Тимковский в желтый дом	*$Гр_1$в ЕА*
21	Закон поставлю я на место вам Горголи	*$БАН_2$ ЕА Пт*
22	И людям все права людей	*Ал $Гр_1$ Дл Дш Е Зб Л ПЗ Птл РБ*
23	По царской милости своей	*$БАН_2$ Кв Л Пт $Якв_3$*
26	Расплакалось дитя	*Ал Е ЕА Зб Кв Птл Рб $Якв_3$*
—	Запрыгало дитя	*$Гр_1$ Дл $Ев_1$ ПЗ $Я_1$б*
—	Пис, пис пустил дитя	*Л $Я_1$в*
30	Пора уснуть уж наконец	*Ал $БАН_2$ Дш Е Зб Кв Л ПЗ Пт Птл Рб $Я_1$*
—	Уснуть пора бы наконец	*ЕА*
31	Послушавши, как царь-отец	*Ал $Гр_1$ Дл Дш Е ЕА Зб Л ПЗ Птл Рб $Я_1$*
—	Послушай же, как царь-отец	*$ВАН_2$ Кв Пт*

ПРЕЛЕСТНИЦЕ.

(Стр. 67.)

Печатные отличия.

Заглавие:	К прелестнице	*НЗ*
—	Прелестнице. 1818	*СП (в оглавлении)*
3	Младое сердце воспалять	*НЗ*
10	Напрасно[1] хитрые старанья	*НЗ*
14		*НЗ СП*
15	. . . .[2]	*НЗ*
—	*отсутствует.*	*СП*
25	Ты на предательскую грудь	*$СП_1$*

К ЧЕДАЕВУ.

(Стр. 68.)

Отличия копий и публикаций.

4	Как дым, как утренний туман	*$Г_1$ $Дл_2$ З Кн $Н_2$ Щр*
18	Заря пленительного счастья[3]	*Ал $Б_1$ $Бх_4$ БВ $Гр_1$ $Дл_2$ Зб Кн Л Мр ПЗ Пл РБ Т Шл*
21	Напишет наши имена.	*Алм $БАН_2$ $Брт_1$ $Гр_1$ Дш Е З $З_1$ Кн Л $Н_1$ Пт Шл Щр*
Под текстом:	1818.	*Ал $Б_1$ $Гр_1$ Дл Мр ПЗ РБ Смв*

---

[1] *Вероятно опечатка.*
[2] *Исключены, вероятно, по требованию цензуры.*
[3] *В Т имеется и вариант как в тексте.*

1819

«ЛАИСА, Я ЛЮБЛЮ ТВОЙ СМЕЛЫЙ, [ВОЛЬНЫЙ] ВЗОР...»

(Стр. 71.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 63 об.)

Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор [1]
Неутолимый жар открытые<?> желанья [2]
И непрерывные лобзанья [3]
И страсти полный разговор [4]
Люблю горящих уст [5] я вызовы немые
Восторги быстрые, живые [6]

ЭЛЕГИЯ.

(«Воспоминаньем упоенный...»)

(Стр. 72.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64. л. 64)

Победы памятник надменный! —
Объемлю гордый мрамор твой
Воспоминанием смущенный! — [7]

---

[1] *Второе полустишие:*
а. твой смелый разговор *б.* твой смелый взор
в. твой смелый разговор *г.* твой д⟨ерзкий⟩ ⟨?⟩ вольный взор
д. твой умный ⟨?⟩ разговор

[2] *Начато: а.* Твой *б.* Немые вызовы в. Твой жар
г. Неутолимые восторги ⟨?⟩

[3] *Начато: а.* Лю<блю> *б.* Тво<и> в. <*Нрзб.*>
г. Живые частые лобзанья
д. И своенравные [и частые] т⟨омящие⟩ ⟨?⟩ лобзанья ⟨⟨?⟩⟩

[4] *а. Как в тексте.*
б. И полный жизни разговор

[5] *а. Как в тексте. б.* Люблю твоих очей

[6] *а.* Восторги пылкие, живые
б. Люблю восторги ⟨я⟩ живые ⟨⟨?⟩⟩

[7] Воспоминаньем упоенный

*

Победы памятник надменный! —
В тени дерев

*

Победы памятник надменный! —
<С> воспоминаньем и тоской
Объемлю славный [1] мрамор твой
смущенный! —

*

О гордый памятник побед!
Воспоминаньем оживленный,
поэт
Объемлет

*

О гордый памятник побед
Воспоминаньем оживленный
Объемлет мрамор твой поэт —
О

*

[На краткой<?> миг<?> одушевленный]
[И с наслажденьем] и тоской
Объемлю славный мрамор твой
[Воспоминанием] смущенный

*

Восторг<ом> юным<?> оживленный
[И с наслажденьем] и тоской
Объемлю славный мрамор твой

Б. Перебеленный текст, переходящий в черновой.

(ЛБ 64, л. 77 об.)

К Кагульскому памятнику — *1819. 30 mars.*

Победы памятник надменный
С благоговеньем и тоской [2]
Объемлю грозный мрамор твой
Воспоминаньем оживленный. — — — —

---

[1] гордый
[2] С воспоминаньем и тоской

Не славный подвиг [россиян]
[Не]   стыд султана
Не задунайской великан
[Тревожат][1]

В. Вариант белового автографа.

(ЛБ 67, л. 9)

1 К<агула памятник надменный> <?>

<НА СТУРДЗУ.>

(Стр. 74.)

А. Текст Ш и Гр$_1$.

Холоп венчанного солдата,
Ты стоишь лавров Герострата,
Иль смерти немца Коцебу...
А впрочем, <— — —>.

Б. Отличие копий и публикации.

4 Иль смерти немца Коцебу — *Гв$_4$а Кв (?)[2] О Я$_1$*
5 А впрочем <— — —>. — *Ал Гв$_4$ Дн В Л О Щб Я$_1$*

<О. МАССОН.>

(Стр. 75.)

Варианты автографа.

(ПД 84)

1—8 Ольга крестница Киприды
Ольга чудо красоты
Нам и ласки и обиды
Расточать умеешь ты

[1] *Вместо ст. 4—8:*
а. Не подвиг   россиян
Не задунайской великан
Не
б. Не громкой подвиг россиян
Не ст⟨ыд⟩ ⟨?⟩   султана
Не задунайской великан
Тревожат
в. Не подвиг росса, не позор
султана
г. Не славный подвиг россиян
Не   позор султана
Не задунайской великан

[2] *См. Примечания.*

Поцалуем сладострастья
Будоража сердце в нас
Соблазнительного счастья
Ты назначишь тайный час
14 *а.* И мучительный отказ —
б. И предательский отказ —
20 Внемли мой <влюбленный плач>
Дата: 22 Но [1]

<МАНСУРОВУ.>

(Стр. 76.)

Отличия автографа.

Заглавие отсутствует.
8 И г-же Казасси

«ПОЗВОЛЬ ДУШЕ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕД ТОБОЮ...»

(Стр. 77.)

Черновой автограф.

(ЛВ 64, л. 44 об.)

[Мой друг,]

*

Позволь душе моей[2] открыться пред тобою;
И в дружбе сладостной[3] отраду[4] почерпнуть —
Скучая жизнию, томимый суетою — —[5]
[Я жажду][6] близ тебя, друг нежный отдохнуть— — —[7]
Ты помнишь милая — зарею наших лет[8]
Младенцы, мы любить умели — —[9]
Как быстро, [быстро][10] улетели[11]
< >

---

1 *Т.* е. 22 ноября ⟨1826 г.⟩ — *дата переписки.*
2 *а. Как в тексте. б.* Позволь душе родной
3 *а. Как в тексте.*
б. И в дружбе искренней
в. И в дружбе мне ⟨?⟩ родной ⟨?⟩
4 отрада ⟨?⟩ *(описка?).*
5 *а.* Томимый жизнию, томимый суетою — —
б. Томимый жизнию, скучая суетою — —
6 Хочу я
7 *Второе полустишие: а.* свободно отдохнуть *б.* друг милый отдохнуть *в. Как в тексте. г.* мгновенье отдохнуть *д.* свободне⟨е⟩ в⟨з⟩дохнуть
8 *Второе полустишие: а.* младенческие годы *б. Как в тексте. в.* весною наших лет
9 Младенцы мы — — связали
10 Как быстро улетели
11 *Далее намечена переработка ст. 5—6: рифма* наших лет *записана позднее ст. 6.*

*

[Я много чувствовал мало — —
Жар юности потух в моей крови]
И дней моих печальное начало
Давно давно мне! —

*

[Я не рожден для счастья, для любви[1]
Я много чувствовал я мало! —
Жар юности потух в моей крови]
И дней моих печальное начало
Уже давно не мило мне! —[2]

*

[Мой друг, я не рожден для счастья, для любви]
Я мало жил и наслаждался мало! — —
Чуть жизни печальное начало[3]
Жар юности потух в моей крови]

*

В кругу чужих[4], в немилой стороне[5]
Я мало жил и наслаждался мало! —
И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне! —
К чему мне жизнь, я не рожден для счастья[6]
[Для радостей] для дружбы для забав[7]
избежав[8]
Я хладно пил из чаши сладо<страстья>[9]

---

[1] *Начато:* О
[2] Давно, давно не мило мне
[3] *а.* Но жизни начало
б. Но мне печальное начало ⟨⟨?⟩⟩
[4] *а.* Теряя век *б.* Теряя жизнь
[5] *Второе полустишие: а.* на стороне
б. в уж⟨асной⟩ ⟨?⟩ стороне *в.* на чуж⟨д⟩ой ⟨?⟩ стороне
[6] *а.* я не рожден для счастья
б. Мне свет постыл, я не рожден для счастья
в. Мне мир постыл, я не рожден для счастья
[7] Я не рожден для дружбы, для забав
[8] *а. Как в тексте.*
Начато: б. С холодностью *в.* Веселью ⟨чужд⟩ ⟨?⟩
г. Свободе чужд, душой
[9] И хладно пил я чашей ⟨?⟩ сладо⟨страстья⟩

ДОРИДА.

(Стр. 78.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 53 об.)

[Вчера я к ней вошел] —

*

В Дориде[1] нравятся и локоны златые,[2]
И бледное лицо, и очи голубые....
Вчера друзей моих оставя пир ночной,[3]
В ее объятиях я негу пил душой —[4]
Восторги быстрые[5] восторгами сменялись —
Желанья гасли вдруг и снова разгорались[6]
[Но сквозь веселую ночную темноту[7]
Неотразимую я видел красоту
И кудри черные и черные ресницы]

*

[Но сквозь неверную ночную темноту[8]
Темноволосую[9] я видел красоту
Мне чудилась она — призрак неотразимый <<?>>[10]]

*

Но в темноте ночной[11]
Мне чудилась она — призрак неотразимый

---

[1] *а. Как в тексте. б.* Мне в Лиде
[2] *Второе полустишие: а. Начато:* и очи *б.* и локоны густые <?>
[3] *а.* Вчера друзей   оставя пир ночной
б. Вчера младых друзей оставя пир ночной
[4] *а. Начато:* В ее объятиях я ра⟨дость⟩ ⟨?⟩
б. Как в тексте.
в. В ее объятиях забылся я душой
[5] пылкие
[6] загорались
[7] *Начато: а:* В *б.* Но в темноте ночной
в. В пр.⟨озрачном⟩ ⟨?⟩ с⟨вете⟩ ⟨?⟩ д⟨ня⟩ ⟨?⟩
г. Но сквозь прозр⟨ачную⟩
[8] *а. Начато:* Но —   ⟨*нрзб.*⟩
б. Но взоры устрем⟨ив⟩ ⟨?⟩ в густую темноту
в. Но взоры устрем⟨ив⟩ ⟨?⟩ сквозь ночи темноту
[9] *Начата поправка:* Ч⟨?⟩ ⟨ерноволосую⟩ ⟨?⟩
[10] *Последние два слова может быть не относятся к этому варианту. См. ниже.*
[11] *а. Начато:* Но в чудной *б. Начато:* Но, други, в темноте

*

Я таял. Но среди неверной темноты[1]
Иные <?> виделись мне милые черты[2]
[И] <весь> <?> [я полон был] [таинственной печали][3]
И имя чуждое уста мои шептали —

Б. Отличие СП.

Заглавие в оглавлении: Дорида. 1820

N. N.

<В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.>

(Стр. 79.)

А. Отрывок первой редакции (по Анненкову).

Вм. 20—23 Я еду в даль! Простите, дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Где льются пунш и эпиграмы!
Меня зовут поля, луга,
Тенисты липы огорода,
Озер пустынных берега
И деревенская свобода.
В начале мрачном октября

Б. Варианты второй редакции (копии Ш, Щр).

Заглавие: К Энгельгардту[4]

Вм. 5—10 И сон и сладостный покой
С Кипридой посетили снова
Мой угол тесный и простой
Утешь и ты полубольного!

---

[1] *а.* Но сквозь неверн‹ыя› ночныя темно‹ты›
б. Я плакал. Но среди неверной темноты

[2] *а.* Другой мне чудились знакомые черты
б. Начато: я предвидел ‹?›
в. Начато: Иная ‹?› виделась мне

[3] *Вместо ст. 9:*
а. Начато: Напрасно жаждая любов‹....›
б. Начато: Напрасно я мечты
в. Хотел я удалить призрак неотразимый ‹?›
Последние два слова может быть не относятся к этому варианту. См. выше.
г. *таинственной печали*
д. Я полон был таинственной печали
е. Начато: И р‹адост› ‹....› ‹?› *ж. Начато:* востор‹....›

[4] *В Ш:* К Энгеpдy

Я жажду видеться с тобой
И наслажденья властелин[1]
Вм. 18—23 От скуки столь разнообразной
И глупой сплетницы молвы[2]
Я еду в даль! Простите дамы
Гулянья, шумны вечера
Актрисы, франты, доктора
Меня зовут псковские хамы
Меня зовут поля, луга
Тенисты липы огорода
Озер пустынные брега[3]
И деревенская свобода[4]

В. Отличия копий Вс, Грч, Дл и Квл.

Заглавие: K N. N. — *Вс*
— К Энгельгардту — *Грч Дл Квл*
13 Пиров и неги верный сын — *Вс Грч Дл Квл*
15 И наслажденья властелин — *Грч*
17 От хладной прелести Невы[5] — *Дл*
18—19 От скуки столь разнообразной
И вредной сплетницы молвы[6] — *Грч А*
— От вредной сплётницы молвы[7]
И скуки столь разнообразной — *Вс Дл Квл*
24—31 *отсутствуют.* — *Грч Квл*
Вм. 24—31 . . . .
. . . .
. . . . — *Вс Дл*

Г. Варианты 1825 г. (Вс).

Заглавие: K N. N.
13 Пиров и неги верный сын

---

[1] *Ст. 16 в Щр:* От тщеты столицы праздной
Ст. 17 в Ш: От хладной прелести Невы
[2] *В Ш: а.* И глупой сплетницы молвы
б. И глупой сплетницы Москвы
В Щр: От глупой сплетницы молвы
[3] *В Ш:* Озер пустынны берега
[4] *Ст. 25 в Ш:* В начале мрачном октября
[5] *Позднее стих исправлен как в СП.*
[6] *В копии Грч стихи читались:*
От скуки столь однообразной
И вредной сплетницы Москвы
Пушкиным оставлены без исправления искаженные стихи:
2 Сухой, обритый, но живой
10 Он жаждет свидеться с тобой
17 От хладных берегов Невы
[7] *В Дл первоначально:* Москвы

«Орлову». Черновой автограф.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
Москва. Тетрадь № 2364, л. 54 об.

у ст. 14 Венеры набожный поклонник
помета: или ветреный[1]
19 И скуки столь разнообразной[2]
Вм. 24—31 . . . .
. . . .
. . . .

Д. Отличия СП и СП₁.

Заглавие: N. N. *СП (в тексте) СП₁*
— N. N. 1819 *СП (в оглавлении)*
13 Пиров и неги верный сын, *СП СП₁*
14 Венеры ветреный поклонник *СП СП₁*
Вм. 24—31 . . . .
. . . . *СП СП₁*

ОРЛОВУ.

(Стр. 80.)

А. Отрывок чернового текста[3].

(ЛВ 64. л. 54 об.)

И буду ждать... Когда ж восстанет[4]
С одра покоя бог мечей — —
И брани громкой вызов грянет . . . . .[5]
Тогда — ... покину мир по<лей>[6]
Любимец <ветреный Беллоны>[7]
И трона ве<рный гражданин>
Орл<ов>, я с<тану под знамены>
Тво<их воинственных дружин>

———

Над озером в спокойной хате[8]
Или в траве густы<х лугов>[9]
Или холмов на злачном <скате>[10]

---

[1] *Т. е. Пушкин предлагает цензурный вариант:*
Венеры ветреный поклонник
[2] *Кроме того, исправлена ошибка писаря в ст. 21:*
Тенисты клены огороды (как в тексте).
[3] *Ср. ст. 35—42, 30—34, 43—46.*
[4] *а.* И там восстанет
б. Я буду ждать.... Когда ж восстанет
[5] *а.* И зов грянет.....
б. И бранный вызов грянет.....
в. И бранный вызов грянет.....
[6] *Начато:* Тогда — ... от
[7] *Вместо этого стиха:*
Надену кивер оперенный
[8] Над озером, в хате
[9] Иль на траве густы⟨х лугов⟩
[10] *Стих вписан.*

В бухар<ской> шап<ке> и <в халате>
Я буду [1] петь мо<их богов>

[Тобою в]
[Я]
[И штык]
[Я буду вле<....>][2]
[Тебя]

*

боев <средь> пожаров [3]
[штыков]

<....> бя

Б. Варианты белового с поправками автографа.

(ГМП)

Заглавие: К Г. О...[4]

3—4 Любезность, разум просвещенный
Хотя и русской генерал; ○
7 С досадой, может быть, верьхом ○
8 *а.* Преподаешь войны науку
б. Преподаешь царя науку
10 *а.* *Как в тексте.*
б. В боях прославленную руку
19 *а.* Он враг тиранов и невежд
б. Он враг притворства и невежд
20 За жирным, медленным обедом ○
22 Прилежно слушать рад его... ○
25 Смирив мятежные мечтанья ○
27 Укроюсь с мирною свободой ○
28 *а.* С беспечной лирой и природой
б. С любовью, ленью и природой ○
29 Под сенью дедовских дубров
33—34 Я буду петь моих богов,
В бухарской шапке и в халате ○

---

[1] стану
[2] моего
[3] *Концы стихов, помещенные после звездочки, находятся на одном уровне с предыдущей группой — началами стихов — (между ними вырван клок листа); малое количество и черновое состояние материала не позволяют реконструировать не только текста, но и схемы его. См. снимок.*
[4] *Т.е. К генералу Орлову.*

37 а. *Как в тексте.*
б. И новой брани вызов грянет
39 а. *Начато:* Пи<томец>
б. Любимец пламенный Беллоны
43 В шатрах, средь боев, средь пожаров ○
44 С мечом и с лирой золотой ○

Под текстом: 1819
4 июля.

В. Отличие белового автографа.

(ПД 29)

39 Любимец пламенный Беллоны ○

Под текстом: 1819
июля.

Г. Отличия копии Грч, правленной Пушкиным.

Заглавие: Послание к Орлову.
12 Орлов, ты прав: я покидаю
20 За жирным, медленным обедом
26 Без доломана, без усов
29 Под тенью дедовских лесов
30 *отсутствует.*
33 В бухарской шапке и халате
34 Я буду петь своих богов
37 И брани грозный вызов грянет
39 Любимец пламенный Беллоны
41 Орлов, я стану под знамена
43 В шатрах, средь сечи, средь ударов[1] ○
46 И силу петь твоих ударов[2] ○

К ЩЕРБИНИНУ.

(Стр. 81.)

А. Перебеленный текст с поправками.

(ЛВ 64, л. 71 об.)

К Щербинину.[3]

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою[4] не болен,

---

[1] *Исправлено как в тексте Пушкиным.*
[2] *То же.*
[3] *Заглавие вписано позднее.*
[4] тайною

Кому влюбиться недосуг
Кто занят всем и всем доволен,

Кто мимо Бианки поутру[1]
В саду летя в двойной карете[2]
И кто в театре ввечеру[3]
Влюб <.....>[4] <свете> <?>

Кто Надиньку под вечерок[5]
За тайным ужином ласкает
И жирный Стр. <асбургской> пирог
Вином душ. <истым> запивает.[6]

Кто удалив заботы прочь
Как верный сын Пафосской веры[7]
Проводит пламенную[8] ночь
С младой наперсницей Венеры[9]

По[10] утру сладко[11] дремлет он
Читая листик *Инвалида*[12]
Весь день веселью посвящен[13]
И в ночь вновь царствует <Киприда>[14]

---

[1] *Стихи (5)—(8) приписаны позднее.*
[2] *Начато:* В саду ва ⟨?⟩
[3] *а. Начато:* В ⟨*нрзб.*⟩ *б. Начато:* шумных
[4] *а.* Кто ⟨нрзб.⟩ *б.* И ⟨?⟩
[5] *а.* Кто в тишине под вечерок
За ужив про⟨вождает⟩ ⟨?⟩
б. Кто с девкою под вечерок
в. Кто с Надинькой под вечерок
г. Кто с девою под вечерок
[6] *Начато:* Ш.⟨ампанским⟩ пе⟨нным⟩ ⟨?⟩
[7] сын |Паф⟨осской⟩| Цитерской веры
[8] набожную
[9] *а.* С Венеры
б. С монашенькой Цитеры
в. С младой монашенькой Цитеры
г. С младой наперсницей Цитеры
[10] *Вместо стихов (17) — (20) было:*
а. По утру в |туфлях, колпаке| красном колпаке
Коптит он пенковую трубку —
Весь ⟨?⟩ душ⟨...⟩ ⟨?⟩ и вине
б. С |похабной книжкою| бордельной книгою в руке
Коптит он пенковую трубку
Гуляет ⟨*нрзб.*⟩
[11] тихо
[12] *а.* Читая *Инвалида*
б. Перебирая *Инвалида*
[13] *Начато:* Весь день в забаве
[14] |А в ночь вновь| В ночь снова царствует ⟨Киприда⟩

И мы не так ли дни ведем[1]
Щербинин, резвый друг забавы,[2]
С Амуром, Шалостью, вином,
Покаместь молоды и здравы —[3]

Но дни младые пролетят,[4]
Веселье, нега нас покинут[5]
Им чувства наши изменят
Сердца иссохнут и остынут.[6]

Тогда без песен, без подруг
Без милых ветреных желаний
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне <воспоминаний>.[7]

---

[1] *Вместо ст. (21): Начато: а.* Тихонько ⟨?⟩ б. Кто на гуляньях
в. венчанны ⟨*нрзб.*⟩
г. Не так ли дни ведем

[2] *Начато: а.* Щербинин, ⟨*нрзб.*⟩ *б.* Щербинин др⟨уг⟩
в. *Как в тексте.*
г. Щербинин, милый друг забавы

[3] *а.* [Пока мы] Покаместь
Беспечны молоды и здравы,
б. С б⟨------⟩, с Венерой и с вином
Покаместь молоды и здравы.
в. С Венерой, с страстью ⟨?⟩ и вином
Беспечны молоды и здравы.

[4] Но быстро младость пролетит

[5] *а.* Веселья нас покинут
б. веселость нас покинут
в. Венера, Игры нас покинут
г. нас вмиг ⟨?⟩ покинут

[6] *Ст. (27)—(28):*
а. Сердца им изменят
Иссохнут и застынут
б. Желаньям чувства изменят
Сердца иссохнут и остынут.

[7] *Ст. (29—32):*
а. Тогда... качая головой
Со вздохом мы друг ⟨друга⟩ спро⟨сим⟩
Ты помнишь Фани, милый мой?...
И
б. Тогда... без лиры, без подруг
Скажу тебе с печалью
в. Тогда... без игр ⟨?⟩ и без подруг
И даже... без желаний
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне ⟨воспоминаний⟩
г. Тогда без песен без подруг
Без наслаждений без желаний
Найдем отраду, милый друг,
В туманных снах ⟨воспоминаний⟩

Тогда качая головой
Скажу тебе у двери гроба —[1]
„Ты помнишь Фани, милый мой?"
И тихо улыбнемся оба.

Б. Отличия белового автографа.

(ГЛМ)

Заглавие отсутствует.[2]
Под текстом: 1819
9 июля

В. Отличия копий и публикаций.

9 Кто, отложа заботы прочь — *Вз Гд Грч Кр$_2$ Мв Оф*
20 Пока мы веселы и здравы — *Грч Кр$_2$ Мв*
22 Здоровье, нега нас покинут — *Вз Гд Грч Н$_2$ О*

ДЕРЕВНЯ.

(Стр. 82.)

А. Варианты автографа, копий и публикаций.

1 Приветствую тебя, пустыни уголок — *Авт Алм Вз Вз$_3$ Вк Грч Дл З Кв Мв Мх Н$_1$ Н$_2$ Оф Пт Пц Тр$_3$ Щ Щб Щр*

2 Предел спокойствия, трудов и размышленья — *Авт БАН$_2$ Гд Гл Дл Тр$_3$ У$_3$ Чб Щ Щб Щр*

— Предел спокойствия, трудов и вдохновенья — *Алм БАН$_1$ Бх$_4$ Вз$_3$ Вк Грч Кв М Мв Мх Н$_1$ Пт С Тшк У*

4 На лоне счастия и милого забвенья — *Грч Мв*

— На лоне мира и забвенья — *Грч А Дл Дл$_2$ У$_3$ Щ Щб Щр*

6 Безумные пиры, заботы, заблужденья — *Авт БАН$_2$ Гв Я$_9$ Грч А Дл Тр$_3$ У$_3$ Щ Щб Щр*

— Нескромные пиры, заботы, заблужденья — *Вз Гл Грч Мв Оф*

---

[1] *а. Как в тексте. б.* у края гроба
[2] *Рукой неизвестного вписано:* Щербинину.

7 На сладкий шум дубрав, на тишину полей *Авт*
БАН$_1$ БАН$_2$ Вз Вз$_3$ Вк Гв Я$_9$ Гд Гл Грч Дл
Дл$_2$ Кв Мв Мк$_1$ Н$_1$ Оф Тр$_3$ Тшк У У$_3$ Чб Щ Щб

8 На праздность вольную, подругу вдохновенья
Авт Гд Дл Дл$_2$ Отб Тр$_3$ У$_3$ Чб Щ Щб Щр

— На праздность — вольную подругу размышленья *Грч*

11 Сей луг, уставленный душистами стогами *Вз Грч*
Мв Н$_1$ Оф

12 Где светлые ключи в кустарниках журчат *Авт*
БАН$_2$ Гд Тр$_3$ Чб

— Где чистые ручьи в кустарниках журчат *Алм*
БАН$_1$ ВВ Вк Гл Грч Длб З Кв Мв Мк Мк$_1$
Мр Мх Н$_1$ Н$_2$ ПЗ Пт Пц У$_3$ Щб Щр

13 Везде вокруг меня лазурные картины *Авта*

— Везде вокруг меня подвижные картины *Автб*
БАН$_2$ Гд Тр$_3$ Чб

15 Где парус рыбарей белеет иногда *Авт Алм БАН$_1$*
Бх$_4$ ВВ Вз Вз$_3$ Гд Гл Грч Дл З Кв Кн М Мв
Мк Мк$_1$ Мр Мх Н$_1$ Н$_2$ Оф ПЗ Пт Пц С Смвб
Тр$_3$ Тшк У У$_3$ Чб Щ Щб Щр

17 *отсутствует.* *БАН$_1$ Вз Вз$_3$ Вк Гд Гл Грч Дла З Кв М*
Мв Мк$_1$ Мх Н$_1$ Оф С Тшк У У$_3$ Чб Щ Щб Щр

18 На злачных берегах бродящие стада *Авт БАН$_2$ Тр$_3$*

19 Овины, мельницы крылаты *Авт БАН$_2$ Тр$_3$*

20 Везде следы довольства и трудов *Гл Грч Мв*

22 Учуся в тишине блаженство находить *Алм Вз Вк*
Грч Дл Кв Мв МЛ Н$_1$ Отб Оф Щ

23 Желать не многого, Добро боготворить *Авт Гд*
Тр$_3$ Чб

28 Оракулы веков — я вопрошаю вас *Авт Гд Тр$_3$ Чб*

31 Он будит лени сон угрюмый *Авт БАН$_2$ Тр$_3$*

37 Мудрец печальный замечает *Авт Отб Тр$_3$*

40 На пагубу людей избранные судьбой *Гд Грч Мв*
Оф С

41 Здесь *Барство* дикое без чувства, без закона — *Авт Щр*

42 Себе присвоило насильственной лозой — *$Вз_3$ В Вк $Гв_3$ Гл Грч Кв Мв $Мк_1$ Мх $Н_1$ Отб Тшк У*

44 С поникшею главой, покорствуя бичам — *Авт $Бх_4$ В Вз $Вз_3$ Вк $Гв_3$ Гд Гл Грч Дш В З Кв Кн М Мв Мк $Мк_1$ Мх Отб Пт С Смва $Тр_3$ Тшк У Чб $Я_2$*

47 Здесь горестный ярем до гроба все влекут — *Автб*[1] *$БАН_2$ $Бх_4$ Вк $Дл_2$ $Тр_3$ $У_3$*

50 Для дерзкой прихоти злодея — *Авт $БАН_2$ Гд $Дл_2$ $Тр_3$*

— Для прихотей бесчувственных злодея — *$БАН_1$ $У_3$ Щб Щр*

51 Надежда милая стареющих отцов — *Авт $Вз_3$ $Гв_3$ Гд $Тр_3$*

56 Почто в груди моей горит напрасный жар — *Авт $Дл_2$ $Тр_3$*

59 И рабство изгнанно по манию царя — *Авт $Дл_2$ $Тр_3$*

Под текстом: 1819
июля — *Авт*

Б. Печатные варианты.

Заглавие: Уединение. — *СП (в тексте) $СП_1$*
— Уединение. 1819. — *СП (в оглавлении)*

Вм. 34—61
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . — *СП $СП_1$*

«НЕТ, НЕТ, НАПРАСНЫ ВАШИ ПЕНИ...»

(Стр. 84.)

Черновой автограф.

(ЛВ 64, л. 71)

Нет нет, напрасны ваши пени
Я вас люблю,[2] всё тот же я,
Дни наши, милые <друзья>,
Бегут как утренние тени

[1] *Авта — как в тексте.*
[2] *а. Как в тексте б. И я люблю*

[Как воды быстрого ручья][1]
Давно ли тайными судьбами[2]
Нам жизни чаша подана
Еще для нас она полна[3]
К ее краям прильнув устами
Мы пьем восторги[4] и любовь
Для <?> нас <?> надежды, наслажденья[5]
<   >
Как новы   заблужденья[6]
Мы наслаждаемся цветем
Но память ищет оживляться <?>
Но сердце   [тихим] сном
В минувшем любит забываться[7]

---

[1] *Вместо ст. 1—5:*
а. Нет нет, мои друзья, напрасны ваши пени
Пусть   ваши дни
Бегут как утренние тени
б. Нет нет, мои друзья, напрасны ваши пени,
Пускай златые ваши дни
Бегут как утренние тени
в. Нет нет, напрасны ваши пени
Дни наши милые ‹друзья›
Бегут как утренние тени
Как воды быстрого ручья
[2] *Стихи 6—13 вписаны позднее на полях.*
[3] *Начато:* Она полна
[4] *Зачеркнуто и восстановлено*
[5] *а.* Мы пьем   наслажденье
б. Мы пьем восторги наслажденье
в. Для нас   и радость
[6] *а.* Для вас все серд‹ца заблужденья›
б. Для нас все новы заблужденья
[7] *Вместо ст. 14—17.*
а. Мы наслаждаемся, цветем,
Но   душою
В минувшем времени живем
б. Мы наслаждаемся, цветем
Но чу‹?› ‹вством›
В минувшем времени живем
в. Мы наслаждаемся, цветем
Но сно‹м›
В минувшем времени живем
г. Мы наслаждаемся цветем
Но   сердцем в умом
В минувшем ищем усыпиться
д. Мы наслаждаемся, цветем,
Но чувство любит забываться
[Но] И сердце   тихим сном

ДОМОВОМУ.

(Стр. 85.)

А. Отличие ПЗ.

2 Тебя молю, наш добрый домовой

Б. Отличия СП и СП$_1$.

Заглавие в оглавлении: Д о м о в о м у. 1819 *СП*
5 Да не вредят полям опасный хлад дождя[1] *СП*
10 Постигни робостью полуночного вора *СП СП$_1$*
13 Ходи вокруг него заботливым дозором *СП СП$_1$*

<НА СТУРДЗУ.>

(„Вкруг я Стурдзы хожу").

(Стр. 86.)

Вариант РА.

1 Я вкруг Стурдзы хожу

<ЮРЬЕВУ.>

(„Здорово, Юрьев, имянинник").

(Стр. 87.)

Отличия автографа.

(ПД 30)

5—6 Здорово и проч.
11—12 Здорово и проч.
17—18 Здор<ово и проч.>

РУСАЛКА.

(Стр. 88.)

А. Черновой автограф.

(ЛВ 64, л. 76 об. — 77)

[В лесах Биармии пустынной]

*

[Во мраке]

*

[1] *Опечатка.*

Русалка[1]

Над озером в глухих дубровах
Спасался некогда монах
Всегда в занятиях суровых
В посте молитве и трудах[2] —
Уже лопатою смиренной
Себе могилу старец рыл[3]
И лишь о смерти он блаженной
Св.<ятых> угодников молил[4]

Однажды летом[5] у порогу
Истлевшей келийки своей[6]
Отшельник мой молился богу.[7]
Дубрава делалась черней,[8]
Туман[9] над озером дымился —

---

[1] *Заглавие вписано позднее текста.*
[2] *Вместо ст. 1—4:*
а. Над озером в глухой дубраве
Спасался некогда монах
Не мысля о забаве
б. Над озером в глухих дубравах
Спасался некогда монах
Забыв о забавах
И жил в молитвах и трудах
в. Над озером в глухих дубравах
Спасаясь некогда монах
Не думал о мирских забавах
Всегда в молитвах и трудах
[3] *Ст. 5—6:*
а. Уже смиренною лопатой
Себе могилу старец рыл
б. Уж он смиренною лопатой
Себе могилу ископал —
[4] *Вместо ст. 7—8:*
а. Начато: Считая
б. И лишь о смерти он блаженной
вечно молил
[5] *а. Как в тексте. б. Начато:* Раз вечером в. *Начато:* ⟨*Нрзб.*⟩
[6] Смиренной келии своей
[7] Святой мо⟨нах мо⟩лился ⟨богу⟩
[8] *Начато: а.* Уж небо *б.* Уже смеркалось
в. Ложилась средь полей.
г. Уж тень ложилась средь полей
д. Уж сумрак делался темней
е. Дубрава делалась ⟨нрзб.⟩
[9] *Начато:* Древа

И красный месяц в облаках[1]
Тихонько по небу катился,
На воды стал глядеть монах.

И видит[2] закипели[3] волны
И присмирели вдруг опять[4]
Монах глядит[5] боязнью полный[6]
Кого-то жаждет увидать —[7]
И вдруг легка как тень ночная[8]
< >
Выходит женщина нагая[9]
И молча села у брегов[10].—

Глядит на старого монаха
И чешет влажные власы,
Святой монах дрожит со страха[11],
Но смотрит на ее красы;
Она манит его рукою[12],
Кивает быстро головой!....
И вот — падучею звездою —
[Исчезла] молча под волной.[13]

---

[1] *а.* И вышла кра⟨сная⟩ луна
б. Начато: И месяц [меж] ⟨*нрзб.*⟩
в. И выш⟨ел⟩ месяц ⟨из-за⟩ туч

[2] *а. Как в тексте.* *б. Начато:* Уж

[3] побежали

[4] Сверкая серебром

[5] *а. Как в тексте.* *б.* Глядит ⟨?⟩ монах

[6] полон

[7] *а.* И жаждет нечто увядать
б. И нечто жаждет увядать

[8] *а.* И вдруг ⟨*нрзб.*⟩
б. И вдруг как тень ночная

[9] *а. Начато:* Встает из в⟨олн⟩
б. Из волн красавица нагая

[10] И села у брегов

[11] *а.* Монах без страха
б. Отш⟨ельник⟩ задр⟨ожал⟩ ⟨со⟩ страха
в. Отш⟨ельник⟩ побледнел ⟨со⟩ страха

[12] *а. Как в тексте.*
б. Она манит его с собою ⟨?⟩

[13] *Ст. 31—32:*
а. И вот — падучею звездою
б. падучею звездою
И скрылась
в. падучею звездою
Исчезла молча под волной
г. падучею звездою
Под молчаливою волной

Всю ночь не спал старик[1] несчастный
И не молился целый день —
Перед собою инок страстный[2]
Всё[3] видел чудной девы тень —
Заря померкла, [ночь] сгустилась[4]
Пошла по облакам луна[5]
Вдруг дева[6]
Сидит прелестна   одна[7]

Кивает быстро головою[8]
Смеется[9] стонет[10] как дитя
Играет, плещется волною
Цалует из дали шутя[11]
Зовет монаха — нежно стонет
Монах — монах! ко мне ко мне
И вновь в водах туманных тонет[12]
И всё в глубокой тишине.[13]

На третий день монах несчастный[14]
У очарованных брегов[15]

---

[1] монах
[2] *а.* Старик   сладострастный
б.   инок сладострастный
[3] *а.* Всё *б.* Он
[4] *а.* Заря вечерняя настала
б. Заря померкла, тень сгустилась
[5] Пошла бродить   луна
[6] И вдруг на бреге очутилась
Позднейший вариант ст. 39 начат:
[Вдруг видит деву он]
[7] она
[8] *а. Начато:* С⟨меется⟩
б. Манит, кивает головою
в. Она кивает головою
г. Манит, кивает головою
Позднейший вариант ст. 40—41 начат:
[Она холодною рукою
Хват⟨ает⟩ ⟨?⟩]
[9] *Поправлено и зачеркнуто: а.* Ман⟨ит⟩ *б.* ⟨*Нрзб.*⟩
[10] плачет
[11] *Стих вписан.*
[12] *а.* В волнах как   тонет
б. И вновь в волнах туманных тонет
[13] *а.* И вдруг [⟨*нрзб.*⟩] как молния она
б. [Сбег⟨ает⟩] Уходит в озеро...
в. Начато: И скрылась
[14] влюбленный
[15] *а.* Сидит у тихих берегов
б. Сидит у вспененных брегов

Сидел и ждал своей прекрасной[1]
И тень чернела средь лесов.[2]
Заря согнала тьму ночную,
Монах не было <нигде>
И только бороду седую
Русалки дергали в воде.[3]

В. Варианты первой редакции.

(Копии ВщН Дл Кв Квл Кл Пм$_2$)

Подзаголовок: Баллада — *Дл Квл*

10 Истлевшей хижины своей — *ВщН Дл Кв Квл Пм$_3$*

17—20 И видит — закипели волны
И присмирели вдруг опять
Монах глядит боязни полный
Кого-то жаждет увидать — *ВщН Дл Кв Квл Кл Пм$_2$*

28 Но смотрит на ее красы. — *Дл Кв Квл Пм$_2$*

36 Всё видит чудной девы тень. — *Квл Кл Пм$_2$*

40 Сидит, прелестна и одна — *ВщН Кв Квл Пм$_2$*

42 Ласкает издали шутя — *ВщН Дл Кв Квл Пм$_2$*

52 И тень ложилась средь дубров — *ВщН Дл Кв Квл*

54—56 Монаха не было нигде,
И ночью бороду седую[4]
Русалки дергали в воде. — *ВщН Дл Кв Квл Кл Пм$_2$*

В. Отличие СП.

Заглавие в оглавлении: Русалка. *Баллада.* 1819.

Г. Отличие НЛ.

56 Русалки дергали в воде.

---

[1] Сидит и ждет своей прекрасной
[2] *Начато:* а. С ⟨*нрзб.*⟩ б. ⟨*Нрзб.*⟩
в. И тень [ложится] чернеет от лесов
[3] *Вместо ст. 53—56:*
а. Она в волнах ему явила⟨сь⟩
И ⟨*нрзб.*⟩ звала к себе
б. ⟨ ⟩
к себе звала
в. Монах монах
г. *Начато:* По утру д. *Начато:* В ночь
е. На утро хижину пустую
Нашли мы
ж. Заря прогнала тьму ночную
И ныне там где жил монах
Лишь только бороду седую
Русалки дергают в волнах.
[4] *Ст. 55 в Кл:* И только бороду седую

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА.

(Стр. 90.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 55 об.)

За чем сей образ

*

Кого воспламеняла

*

Скажи кого воспламеняла

*

Чья кисть восторгом начертала [1]

*

Чья мысль   отгадала
Живые   красоты
Чья кисть   набросала
Небесн<ые>   черты — [2]

*

Чья мысль восторгом отгадала [3]
Безмолвно тайну красоты [4]
Чья кисть о боги — рисовала [5]
[Небесные <сии>] черты —
Кто [пишет в тихом упоенье
Сей мира полный]   взор
[Кто дал немым устам <движенье> <?> [6]]

---

[1] Чья кисть   начертала
[2] *а. Начато:* Н⟨ебесные⟩
б. Сии ⟨небесные⟩ черты
[3] *а.* Чья мысль о б⟨оги⟩ ⟨?⟩ отгадала
б. Чья мысль так смело отгадала
[4] *а.*   тайну красоты
б.   все тайны красоты
в.   тайну красоты
г.   все тайны красоты
g. Небесны тайны красоты
[5] Чья кисть безмолвно набросала
[6] *Начато:* Кто дал устам

•

Кто сотворил воображеньем [1]
Сей огненный сей важный взор [2]
Кто понял Гений вдохновеньем
Кто слышал сердца разговор [3]
Любовь!... Но где поэта пламень — [4]
Кто держит |кисть любимца| Муз [5]
Бесчувствен он [6] как хладный камень
Расторгнут с жизнию союз — — [7]

---

[1] *а.* Кто смел созд⟨ать⟩ воображеньем
б. Кто пишет в тихом упоенье
в. Кто смел созд⟨ать⟩ воображеньем

[2] *а.* Сей тихий ⟨?⟩ мира полный взор
б. Сей мир и тихий ⟨?⟩ взор
в. И сердца мир и ⟨тихий⟩ ⟨?⟩ взор
г. Душой ⟨и⟩ ⟨?⟩ чувством полный взор ⟨⟨?⟩⟩
g. Сей важный взор
е. Сей пламенный сей важный взор

[3] *Вместо ст. 7—8:*
б. Кто дал устам ⟨движенье⟩ ⟨?⟩
|Кто сл⟨ышал⟩| раз⟨говор⟩
а. Кто дал устам ⟨движенье⟩ ⟨?⟩
Немой раз⟨говор⟩
в. Кто дал немым устам ⟨движенье⟩ ⟨?⟩
Кто слышал сердцем разговор
г. *Начато:* Устам *g.* *Начато:* Немой
е. Кто понял душу вдохновеньем
ж. Кто слышал
|Немой и| Безмолвный сердца разговор
з. Кто понял Гений вдохновеньем
Его

[4] *Вместо ст. 9—10:*
а. *Начато:* Кт⟨о⟩ ⟨?⟩ *б.* *Начато:* Но боги
в. Любовь!.. но боги! кто рукою
Палитру
г. Любовь!.. но кто рукою хладной
Из ⟨рук⟩ ⟨?⟩
g. Любовь!.. Но кто дерзает хладн⟨о⟩
Взять ⟨?⟩ кисть ⟨?⟩ из ⟨?⟩ рук ⟨?⟩ любимца ⟨муз⟩
е. Любовь!.. но где пламень
Кто
ж. Любовь!.. но где небесный пламень
Где кисть любимца светлых муз
з. Любовь!.. Но где поэта пламень
⟨*Нрзб.*⟩ ⟨*нрзб.*⟩ любимца муз

[5] *Стих начат:* *а.* К⟨то⟩ *б.* Где

[6] *а.* Недвижен он
б. Он ⟨недвижим⟩ ⟨?⟩

[7] *а.* *Начато:* Со
б. Разорвав союз
в. Разорван с жизнию союз

В [1] его душе одно страданье
Уже <нрзб.>
Глядит на дивное созданье
И гаснет пламенной [2] душой —

УЕДИНЕНИЕ.

(„Блажен, кто в отдаленной сени...“).

(Стр. 91.)

А. Автограф (запись переработки).

(ЛБ 64, л. 51 об. и 52)

Уединение [3]

Блажен кто в [сокровенной<?>] [4] сени
Вдали взыскательных невежд [5]
Живет меж Вольности и Лени [6]
Воспоминаний и надежд —
Кому друзей Судьба послала
Кто скрыт по милости Творца [7]
От усыпителя <глупца>
И пробудителя нахала [8]

---

[1] *Наброски к ст. 13—16:*
а. Глядит на созданье
Он ⟨*нрзб.*⟩ ⟨*нрзб.*⟩ ⟨*нрзб.*⟩
⟨ ⟩
И гаснет душой
б. Взирает на свое созданье
⟨*Нрзб.*⟩ минувший гений свой
⟨ ⟩
И гаснет огненной душой
в. Взирает на свое созданье
⟨*Нрзб.*⟩ на дивный ⟨?⟩ гений свой
г. *Начато:* ⟨*Нрзб.*⟩ мертвит одно
д. Теряя ⟨сознанье⟩ ⟨?⟩
е. ⟨*Нрзб.*⟩ ⟨*нрзб.*⟩ ⟨*нрзб.*⟩
ж. В душе лежит ⟨?⟩ одно мечта⟨нье⟩
В автографе последнее слово: мечтает *(описка).*
[2] огненной
[3] *Заглавие вписано позднее текста.*
[4] отдаленной
[5] Вдали тиранов и невежд
[6] а. Живет меж и лени
б. Живет меж Мудрости и лени
в. Живет меж⟨ду⟩ трудов и лени
[7] *Вместо ст. 5—6 начато:*
а. Кто скрыт по милости
б. Кто
Сокрыт по милости Творца
[8] От пробудителя нахала ⟨?⟩

Б. Отличия копий и публикации.

Заглавие: Уединенье
(Из Арно) — *Кв* $У_4$ *Ш* $Ш_1$

2 Вдали тиранов и невежд — $БАН_2$ *Кв* $У_4$

3 Живет между трудов и лени — $БАН_2$ *Кв Квл* $У_4$

5 Кому друзей судьба послала — *Квл* $Н_1$ *Ш* $Ш_1$

В. Отличия Вс.

Заглавие: Уединенье
(Из Арно)

5 Кому друзей судьба послала

ВЕСЕЛЫЙ ПИР.

(Стр. 92.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 52)

Я люблю вечерний пир
Где веселье председатель,
А Свобода, мой кумир,
За столом законодатель.
Где до утра слово пей
Заглушает крики песен [1] —
Где кружок бутылей тесен [2] —
А просторен круг гостей.

Я люблю в моем стекле [3]
Часто видеть перемену [4]....

---

[1] *Ст. 5—6:* *а. Начато:* Что ⟨?⟩ ⟨бы⟩ ⟨?⟩
б. Я люблю слово пей
Заглушает песен
в. Я люблю чтоб слово пей
Заглушало крики песен
г. Где [дав⟨. . .⟩] [т⟨. . .⟩] ночами ⟨?⟩ слово пей
Заглушает тр⟨. . .⟩ песен

[2] *Вместо ст. 7—8:*
Где лишь ряд бутылей тесен
Где просторен круг друзей

[3] *Начато:* *а.* Я люблю чтобы *б.* Я хочу чтобы
в. Как в тексте.
г. Я хочу в моем стекле

[4] *Начато:* *а.* видеть перемену. . . .
б. Как в тексте.
в. Видеть вечно перемену

Рад я вафлям на столе [1]
[Пирогу я знаю] цену [2]
Я люблю чтобы заря [3]
За столом [4] меня застала
[Чтоб желанием] горя [5]....
[Лила сладостно дремала] [6]

Я люблю младых повес [7]

Б. Отличия текста
беловых автографов — (ПД, № 32 (Авт) и АвтЩб),
Мнемозины и Вс.

Заглавие отсутствует. — *Авт АвтЩб*

— Вечер — *Мн*
2 Где Веселье заседатель [8] — *Авт АвтЩб Мн Вс*
6 Заглушает звуки песен — *Авт*
8 Но кружок бутылок тесен! — — *Мн*

ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

(Стр. 93.)

А. Отрывки чернового автографа.

I.[9]

(ЛБ 64, л. 61а — корешок)

Пр<ости> <?> [10]

[Разно<образной>] <и живой> <?>
Он<а пленяет пестротой> <?>

---

[1] *а.* Рад стерлядь на столе
в. котлетам на столе
[2] *а. Как в тексте.*
б. И знаю цену
[3] *Начато: а.* Но *б.* Я люблю *в.* Я хочу
г. Я хочу изо ⟨стола⟩ ⟨?⟩
[4] *а.* За столом. *б.* Под столом
[5] *а. Как в тексте.*
б. Как ⟨?⟩ горя
[6] *а.* Оля близ меня дремала
б. Начато: Оля *в. Начато:* ⟨*Нрзб.*⟩
г. Как в тексте.
g. бокала ⟨?⟩
[7] Я люблю повес
[8] *В 1825 г. во Вс стих исправлен как в тексте.*
[9] *Ср. ст. 1, 10—14, 16—17, 45—46.*
[10] *Начато:* Ты

Старинной роскошью пир<ами>[1]
Нев<естами, колоколами> <?>
Забавной <легкой суетой> <?>[2]

Но<?>
У<видишь важное безделье> <?>

И всё, <мой друг> в <душе твоей> <?>[3]
Рожда<ет трепет упоенья> <?>

II.[4]

(ЛБ 64, л. 64 об.)

Но вспомни... здесь — удалена
От радостей и утешений
В слезах печальна и одна[5]

*

Но вспомни милый здесь одна
От легких<?> игр<?> и наслаждений
Под   удалена

*

Но вспомни милый здесь одна
Тебя всечасно <ожидая>[6]
                удалена
Вздыхает[7] пленница младая

Тихонько плачет под окном[8]
В своей задумчивости сладкой
Взирает на пустынный дом
От грубых Аргусов украдкой[9]

---

[1] *Стих начат:* Пир⟨ами⟩
[2] *Стих начат:* И
[3] — — в д⟨уше⟩
[4] Ср. ст. *47—70.*
[5] *а.* За   одна
б. В темнице   одна
в. Девица   одна
[6] Безмолвно |горести| |снедая|
[7] Томится
[8] *а.* Сидит уныла близ окна
И смотрит
б. Стоит уныла близ окна
в. Сидит уныла близ окна
[9] *а. Начато:* ⟨*Нрзб.*⟩
б. От Аргусов — —   украдкой

Где мы с тобою пировали
Куда с надеждой и тоской [1]
Ее желанья улетали! [2]

О скоро ль скоро ль упадут [3]
Замка ревнивые затворы
И [друга] милого найдут [4]
Ее потупленные [5] взоры! —

А наш осиротелый круг!
Т<оварищ> скоро ль оживится,
Когда прискачешь, милый друг!
Душа во след тебе стремится! — —
Лети возьми себе венок [6]
Из рук младого сладо<страстья>
И докажи... что ты знато<к> [7]
В науке — — — — счастья.

Б. Варианты белового автографа.

(ПД 31)

Заглавие: К Всеволожскому

Между 9 и 10 В сей азиатской стороне
Нас уверяют, жизнь игрушка!
В почтенной [8] кичке, в шушуне
Москва премилая [9] старушка.
11 Она пленяет пестротой
15 И даже прозой и стихами
20 И тучной знатности похмелье
25 Забав и лени дорогой
29 И жить решиться для тебя [10] ○
30 И вот в приюте отдаленном ○
33 Аи* холодная струя

---

[1] Куда с невольною тоской
[2] Ее желания летали
[3] О скоро ль скоро ль упадет
Замок
[4] *а. Начато:* И
б. О скоро ль милого найдут
[5] *а.* внимательные *б.* застенчивые *в.* внимательные ⟨?⟩
[6] *Начато: а.* Н⟨. . . .⟩ *б.* Будь весел *в.* Прощай
[7] Но⟨?⟩ ты знато⟨к⟩
[8] старинной
[9] предобрая
[10] *Описка?*
* Champagne C. M. d. frappé à la glace.

34 *а.* Клубится [1] дым из древних трубок
б. В густом дыму заветных трубок
35 В халатах праздные друзья ○
38 И мчится радостный досуг! —
43 Их сладострастные движенья
49—50 От прежних [2] игр удалена
Томится пленница младая
53 От грубых Аргусов украдкой
56 *а. Как в тексте.*
б. С Кипридой, Вакхом и с<?> тобой
67 *а.* Лети — возьми себе венок
б. Итак, возьми себе венок ○
68 *Начато:* *<Нрзб.>* ○
70 В расчетливой науке счастья. ○

Под текстом: 1819
27 нояб.

В. Отличия копий и публикаций.

Вм. 4—5 Из области крылатой моды — *Ал БЗ Дл Квл Оф Пм₂ Ш*

Между 9 и 10 В сей азиатской стороне
Нас уверяют жизнь игрушка
В почтенной кичке, в шушуне [3]
Москва премилая старушка [4] — *Ал БЗ Дл Квл Оф Пм₂ Ш*

11 Она пленяет пестротой — *Ал БЗ Дл Квл Оф Шб*
15 И даже прозой и стихами — *Дл Квл Пм₂ Ш*
20 И тучной знатности похмелье — *БЗ Дл Квл Оф Пм₂ Ш*
25 Забав и лени дорогой — *Дл Квл Оф Пм₂ Ш*
36 Шумят и пьют! заздравный кубок — *Дл Квл Ш*
53 От грубых Аргусов украдкой — *Дл Квл Оф Ш*
62 Замки, ревнивые запоры — *Квл Пм₂*
— Замки, ревнивые затворы — *БЗ Ш*

Г. Отличия СП и СП₁.

Заглавие: В***му — *СП (в тексте) СП₁*
— В***му. 1819. — *СП (в оглавлении)*

---

[1] *Начато:* В
[2] резвых
[3] *В Оф и Пм₂ в ст. 3 этого четверостишия отличие:*
В почтенной кичке, шушуне
[4] *В ст. 4 в Пм₂ кроме того отличие:*
Москва прелестная старушка

Вм. 3—9 Любимец муз, поклонник моды
И Терпсихоры и стихов!
Ты в жизни любишь перемену;
Ты скачешь в мирную Москву,
Где сладко дремлют наяву
И наслажденьям знают цену — СП СП₁
18 Жеманство в шитых кружевах — СП

«ТАМ У ЛЕСКА ЗА БЛИЖНЕЮ ДОЛИНОЙ...»

(Стр. 95.)

Черновой автограф.

(ПД, 25)

1—4 Там у леска за ближнею долиной [1]
Где весело теченье светлых струй [2]
Младой [3] [Эдвин] прощался там с Алиной; [4]
Я слышал их последний [5] поцелуй —

5—8 *а.* [Эдвин ушел [6] — Эльвина всё сидела [7]]
И тягостно дышала [девы] грудь —
[Луна] взошла [она] [еще] глядела [8]
[Сквозь] [пар] [болот] на [отдаленный] путь — [9]

б. Взошла луна — Алина там сидела
И тягостно ее дышала грудь —

---

[1] *а.* В лесу за долиной
б. В лесу где келья за долиной
в. В лесу густом за [нашею] ближнею долиной
г. Под ивою в дубраве
g. В лесу густом, за светлою долиной
[2] *а.* Где сладостно шептанье тихих струй
б. Где медленно теченье светлых струй
[3] *Начато:* Любовник там расстался
[4] *а.* Младой [Изор] Эдвин ⟨?⟩ прощался там с Алиной
б. Младой Эраст прощался там с Эльвиной
в. Младой [Эм⟨иль⟩ ⟨?⟩] Изор прощался раз с Алиной ⟨?⟩
г. *Начато:* Сидел Изор
g. Изор сидел с м⟨ладой⟩ ⟨?⟩ Алиной ⟨?⟩
[5] *а.* последний *б.* прощальный
[6] *Начато:* Уехал
[7] глядела
[8] Луна зашла ⟨?⟩ — она глядела
[9] *а.* *Начато:* И
б. на дальний путь —

Взошла заря — Алина всё глядела
[Сквозь] белый [1] пар на опустелый путь — [2]

9—12 *а.* [В час утренний, вечернею зарею]
[Ее пастух нередко там] видал —
Когда к ручью волынкой [3] [полевою]
[Соседних сел] он стадо загонял

б. Там у ручья за [рощею пустынной] [4]
[В час утренний] пастух ее видал —
Когда к ручью волынкой [заунывной]
В полдневный жар он стадо загонял [5]

в. Там у ручья под ивою прощальной
Соседних сёл пастух ее видал —
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо созывал.

13—16 *а.* Прошли года [6] — [с половиной],
И вижу я [младой] Эдвин идет — [7]
[Туда] в дубраву за долиной
Где весело <теченье светлых> вод — [8]

б. Прошли года — другой уж в половине
И вижу я — вдали Эдвин идет — [9]
Он шел грустя<?> [10] к дубраве по долине
Где весело <теченье светлых> вод —

17—20 Глядит [11] Эдвин [12] — [под ивою] [13] где с милой
Прощался он, стоит святой чернец [14]

---

[1] *а.* ⟨*нрзб.*⟩ *б.* тусклый
[2] *Первоначально двустишия шли в обратном порядке.*
[3] с⟨?⟩ волынкой
[4] *а. Начато:* Соседних сел
б. Там девицы не раз ее видали
в. Там пастухи не раз ее видали
г. В час утренний, за рощею пустынной
[5] *а.* со⟨звал⟩ ⟨?⟩ *б.* выгонял ⟨?⟩ в. вызывал
[6] *В автографе:* годъ
[7] *Начато: а.* Идет Эдвив *б.* И в. Я ⟨?⟩ вижу ⟨?⟩
[8] *В автографе:* Где весело etc. вод —
[9] И вижу я младой |Изор| Эраст ⟨?⟩ идет —
[10] Подходит ов
[11] *Начато:* И в
[12] *а.* Эдвин *б.* Изор
[13] *на* ⟨*нрзб.*⟩ *(Это чтение восстановлено).*
[14] *а.* Прощался он, стоит святой монах
б. Простился он, стоял седой ⟨?⟩

Поставлен крест над новою могилой [1]
И на кресте завялых роз венец [2]

21—24 *а.* [Святой отец —   чья могила [3]
Спросил Эдвин — но надпись <видит он>[4]
<   >
И слышал я [его] последний стон] [5]

б. [На крышу сел бесчувственного праха [6]
Младой Эдвин ...... читает надпись он —
Бледнеет, падает к ногам монаха [7]
И слышал я его последний стон.....]

в. И в нем душа стеснилась вдруг от страха
[Кто здесь сокрыт?]... читает надпись он [8]
Главой поник.... упал к ногам монаха [9]
И слышал я его последний стон.....

---

[1] *а.* Молитвенник читает над могилой
б. И шопотом читает стих унылый
в. Чуть слышит он моленья глас унылый
г. Чернеет крест над   могилой
д. *Начато:* И новый крест над
[2] *а.* И на кресте румяных роз венец
б. И у креста стоит седой ⟨?⟩ чернец
[3] *Начато:*
а. Он подошел
б. Чей дремлет ⟨прах⟩ ⟨?⟩
в. Отец
г. Скажи отец
д. *Взглянул*
[4] Монах молчал — но надпись ⟨видит он⟩
[5] *а.* И слышали его последний стон
б. *Начато:* Я слышал
[6] На кровлю сев бесчувственного праха
                    читает надпись он
[7] *а.* И пал без чувств у ног   монаха
б.   и пал к ногам монаха
[8] *Ст. 21—22:*
а. Кто здесь сокрыт? спросил Эдвин монаха
[Но] [С] Монах [молчал] молчит.... читает надпись он
б. Чей вижу гроб? спросил Эдвин монаха
Монах [молчал] молчит... читает надпись он
[9] *Начато:* *а.* И пал
б. Главой поник.... без ⟨чувств⟩ ⟨?⟩

«ВСЁ ПРИЗРАК, СУЕТА...»

(Стр. 96.)

Варианты автографа.

(ЛБ 64, л. 77 об.)

5—12 Любовь и вино [1]
Нам нужны равно
Без них человек
Грустил бы весь век

К ним лень еще прибавлю [2]
Они с ней заодно
Любовь я с нею славлю [3]
Она сама вино.— [4]

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(Стр. 97.)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 77 об., 78, 73 об., 73).

(л. 77 об.)

Отступница любови сладкой

*

(л. 78)

Я угадал

*

Поверь я [точно] угадал
Кому <ты> жертвуешь украдкой [5]

*

(л. 73 об.)

Посмейся над моей догадкой [6]
Я знаю Лидинька мой друг

---

[1] *Позднейший вариант:* И лень ⟨?⟩ и вино
(Основной вариант не зачеркнут).
[2] *Стих начат:* Я к не⟨й⟩ ⟨?⟩
[3] *Начало позднейшего варианта:* Вино
[4] *Позднейший набросок к третьей строфе:* И све⟨?⟩ ⟨. . .⟩
[5] *Начато:* Украдкой
[6] *Стих может быть вписан.*

Кому ты жертвуешь украдкой [1]
[Кому] в задумчивости <сладкой><?>
Ты молишься вдали подруг...[2]
Не бог Пафоса [и] Венера [3]
Предметы твоей
Тебе ужасен Гименей
Твоя мечтательная вера [4]
[Боится радостей любви]

Посмейся над моей догадкой
Я знаю, Лидинька, мой друг
Кому ты жертвуешь украдкой
От подозрительных подруг
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досуг
Тебя страшит проказник милый
Непостоянный легкокрилый
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей;

*

Я знаю, Лидинька, мой друг
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досуг
Кому ты жертвуешь украдкой
От подозрительных подруг
Тебя страшит проказник милый
Очарователь легкокрилый
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей [5]

---

[1] *а. Как в тексте.*
б. Кому ты молишься украдкой
[2] *Вместо ст. 4—5:*
а. *Кому* вдали подруг
б. Кому одна вдали подруг
Ты жертвуешь —
[3] *Вместо ст. 6 начато:*
а. Красней *б.* Тиран *в.* Гимен *г.* Не богу Пафоса
[4] *Вместо ст. 6—10:*
Не бог Пафоса, не Венера
[Приемлют] Не скрасят <?>
Твоя мечтательная вера
Боится радостей любви
[5] Несносен честный (?) Гименей

Твой бог таинственной отрадой [1]
Своих поклонников дарит! —
Его волшебною наградой
Воображенье дорожит.

*

Твой бог неполною [2] отрадой
Своих поклонников дарит! —
Его таинственной наградой
Младая Скромность дорожит.—
[Он робкой друг уединенья
Он брат любви но одинок
воображенья]

*

Он любит сень уединенья
И верный на дверях замок
Стыдливый сын воображенья
Он брат любви но одинок

*

Он любит сны воображенья
И терпит на дверях замок [3]
Стыдливый друг уединенья
Он брат любви но одинок

*

Я понял взор уны<лый твой>
И бледность

*

Я понял взор уны<лый твой>
Ревн<....><<?>>

*

Я понял томный огнь очей
Я понял взор полуоткрытый<?>

*

---

[1] *а. Начато:* ⟨*Нрзб.*⟩
б. Твой бог унылый
в. Твой бог задумчивый унылый
г. Твой бог отрадою унылой
[2] *а.* ⟨*нрзб.*⟩ *б.* унылою в. ⟨*нрзб.*⟩
[3] И ночью на дверях замок

Я понял томный огнь очей
Я понял взор полузакрытый
И слабость поступи твоей
Улыбки

*

Я понял слабый жар очей
[Я понял] взор полузакрытый
И эти бледные ланиты
И томность поступи твоей

Веселье странную дорогу
Нашло прелестная, к тебе
В [с<....>] судьбе
Ты молишься другому богу

*

Веселье нежное дорогу
Нашло пустынную к тебе
Покорная своей судьбе
Ты молишься другому богу

Вотще[1]

*

‹л. 73›

Когда на девственной постеле
Ты чувст<....>

*

Когда на девственной постеле
В ночной тиши томишься ты;[2]
Одушевляет....
Твои неясные мечты —

*

Когда в бессоннице унылой
Во тьме ночной томишься ты;
Он оживляет тайной силой

---

[1] *а.* Венере ‹?› *б.* Напра‹сно› ‹?›
[2] томишься ты

Твои неясные[1] мечты —
В уединенном упоеньи
Ты   обнимать любовь —
Но в
    и томишь<ся> вновь......

*

В уединенном упоеньи
Ты хочешь обмануть любовь
Трепещешь в слад<ком исступленьи><?>
    и томишь<ся> вновь......

*

В уединенном упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь
И в долгом нежном исступленьи[2]
Вздыхаешь — и томишь<ся> вновь.....

*

Вздыхает нежно <с> бедной <Лидой>[3]
И гонит тихою рукой[4]
И сны внушенные <Кипридой>[5]
И сладкой[6] девственный покой
[О Лида]!

*

О

*

Любовь ужели не заглянет
В пустой девичий уголок;[7]
О Лида — прелесть<?>   вянет —

---

[1] напрасные
[2] а. Вздыхаешь в нежном исступленьи
б. Ты томно ⟨?⟩ в нежном исступленьи
[3] а. Он сам   над бедной ⟨Лидой⟩
б. Он сам не раз над бедной ⟨Лидой⟩
[4] а. И гонит легкою ⟨рукой⟩
б. И гонит слабою ⟨рукой⟩
[5] В *автографе описка:*
И сны внушенные Венера
[6] И тихой
[7] а. В [т⟨. . .⟩]   девичий уголок
б. В   девичий уголок

Младые годы [пр<....>]
Любовь зовет тебя!

*

Амур ужели не заглянет
В пустынный девичий приют...[1]
Твоя краса приметно вянет —
Младые годы бегут...
Любви мольба... напрасна
О Лида, вспомяни мечты,
Не вечно быть тебе прекрасной
Не вечно

*

Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют...
Твоя краса как роза вянет —
Минуты юности бегут...
Ужель моя мольба напрасна
Забудь пре<ступные><?> мечты
Не вечно будешь ты прекрасна[2]
Не для себя прекрасна ты[3]

Б. Варианты белового автографа.

(ГАФКЭ)

14 Я понял томный жар очей
41 *Начато:* Минуты юности жив<....>
Под текстом: 1819

В. Отличия копий и публикаций

Заглавие: Платонизм. — *Ал БЗ Вс Гл Грч Дл Л $Н_1$ Пт Ш*

— К Лиденьке. — *ВщН Гл Дш Е Квл М $Я_1$*

3 Ты посвящаешь свой досуг — *Ал БЗ Вс ВщН $Гв_3$ ГК Гл Грч Дл $Дл_2$ Дш Е Квл Кл Л М Мк $Н_1$ $Нз_1$ О Пл Пт $У_4$ Чб Ш Щр $Юд_2$ $Я_1$*

---

[1] В твой девичий приют
[2] *а.* Моей любви мольба напрасна
б. Моей души мольба напрасна
[3] *Начато:* Не для себя

11	Твоей покорствуя судьбе	*ГК Гл Грч Дл Дл$_2$ Кл Мк Н$_1$ Пл Пт Ш Юg$_2$*
12	Восторги нежные в[1] тебе	*Вс Е Я$_1$*
15	Я понял взор полуоткрытый	*Ал БЗ ГК Гл Грч Дл Дл$_2$ Е Квл Кл Л Н$_1$ Пл Пт У$_4$ Чб Ш Юg$_2$ Я$_1$*
34	В уединенном упоеньи	*Ал БЗ Вс ВщН Гв$_3$ ГК Гл Грч Дл Дл$_2$ Дш Е Л М Мк Нз$_1$ О Пл Ш Юg$_2$ Я$_1$*
36	Напрасно! — в самом наслажденьи	*Ал БЗ Вс ВщН Гв$_3$ ГК Гл Грч Дл Дл$_2$ Дш Е Кл Л М Мк Н$_1$ Нз$_1$ О Пл Пт У$_4$ Ш Юg$_2$ Я$_1$*
37	Томишься и вздыхаешь вновь	*Ал БЗ ГК Гл Грч Дл Дл$_2$ Е Кл Л Н$_1$ Пл Пт Ш Юg$_2$ Я$_1$в*
—	Тоскуешь и томишься вновь....	*Вс ВщН Гв$_3$ Дш Ев Квл М О Щр Я$_1$*
39	В неосвященный твой приют	*Ал БЗ Вс ВщН Гв$_3$ ГК Грч Дл Дл$_2$ Дш Е Квл Кл Л М Мк Н$_1$ О Пт У$_4$ Чб Ш Щр Юg$_2$ Я$_1$*

<ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ.>

(„Раевский, *молоденец* прежний")

(Стр. 98.)

Первоначальные варианты автографа.

(ПБЛ 45)

7 *Начато:* Тебя
16 а. *Начато:* Склонися к
б. *Начато:* К

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

(Стр. 99.)

А. Варианты копии Л. С. Пушкина.

5 Ты резвые забавы света
9 Поверь, младой мудрец, придет

---

[1] *Вероятно, описка, не исправленная Пушкиным в Вс — первоисточнике, к которому восходят копии.*

Б. Отличия СП и $СП_1$.

Заглавие:	Стансы Т — му.	*СП (в тексте)*
—	Стансы Т — му. 1819.	*СП (в оглавлении)*
—	Стансы Т***му.	*$СП_1$*

<НА КОЛОСОВУ>

(Стр. 100)

Отличие первой публикации.

8 И широкая нога.

«НАПРАСНО, МИЛЫЙ ДРУГ, Я МЫСЛИЛ УТАИТЬ...»

(Стр. 102.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64, л. 55)

Напрасно, милый друг, я мыслил[1] утаить
Обманутой [души] холодное волненье,[2]
Ты поняла меня — проходит упоенье,
Перестаю тебя любить......
[Исчезли навсегда часы очарованья][3]...
Пора прекрасная прошла[4]
Погасли юные желанья
Надежда в сердце умерла —

«TIEN ET MIEN — DIT LAFONTAINE»

(Стр. 103.)

А. Первая редакция.

(ЛБ 64, л. 15)

Le tien et mien, dit Lafontaine,
Du monde a rompu le lien —
Si tu n'étais pas la *mienne!* —
Si je n'étais plus le tien! —

Б. Вариант второй редакции.

(там же).

4 *а.* Mais que serait-ce, Climène
б. Car que serait-ce, Climène,

---

[1] думал
[2] *а.* Тоскующей души преступленье
б. Души хлад⟨еющей⟩ ⟨?⟩ волненье
в. Обманутой души невольно⟨е⟩ волненье
г. Души печальныя и то⟨мленье⟩ ⟨?⟩
д. Чувств разуверенных холодное волненье
[3] Исчезли навсегда минуты заблужденья...
[4] *Стих вписан.*

ПОСЛАНИЕ К КН. ГОРЧАКОВУ.

(Стр. 104.)

А. Отличие первой редакции.[1]

(Ал Алм $Б_1$ БрМ Дл $Дл_2$ Л $Н_1$ $Н_2$ Пт Р Рт Т)[2]

2 Обычаев блестящих наблюдатель
Вм. 41—46 И ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
Попрежнему философ и шалун,
Попрежнему остряк небогомольный,
И ты на миг оставь своих вельмож
И малый круг друзей моих умножь.
После 46 Но я не тот; мои златые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь стихов, любовь моей свободы,
Проходит всё, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликованья
Найдешь меня объятого тоской,
Задумчива, с поникшею главой,
И ты поймешь души моей страданья.

В. Отличие от первой редакции второй редакции.

(А Вз Грч Кв Мв Оф Щб)

46 *заканчивает стихотворение.*

В. Разночтения копий первой и второй редакции в ст. 42[3] *и следующих.*[4]

42 Приятный лжец, язвительный болтун — *А Ал $Б_1$ Вз Грч Л Мв Оф*

43—44 Попрежнему остряк небогомольный[5]
Попрежнему философ и шалун — *А Ал Алм Б БрМ Дл $Дл_2$ Кв Л $Н_1$ $Н_2$ Пт Т Щб*

46 И тесный круг друзей моих умножь — *Алм БрМ Дл $Дл_2$ $Н_1$ $Н_2$*

— И милый круг друзей моих умножь — *Кв*

47 *а.* Но я не тот; мои златые годы

б. Уж я не тот; мои златые годы — *Щб*

---

[1] *Разночтенья к стихам, здесь приводимым, см. ниже, под буквой В.*
Разночтения во всех остальных стихах не позволяют отчетливо распределить их между первой, второй и третьей редакцией и поэтому приводятся не здесь, а ниже под буквой Д.

[2] *Стихи с явными искажениями, так же как и пропуски стихов, здесь не учитываются.*

[3] *В ст. 41 разночтений нет.*

[4] *В А, КВ и Щб стт. 47—54 идут как самостоятельное стихотворение, в Кв и Щб под заглавием „Пушкин в унынии".*

[5] *В Дл и $Дл_2$:* Попрежнему остряк неугомонный

48 Безумство, жар, веселость, острота[1] *Дл$_1$ Дл$_2$ Кв*
52 Задумчива, с поникшей головой *Алм БрМ$_1$ Н$_1$*

Г. Отличия копии Грч (вторая редакция), исправленные Пушкиным (третья редакция).

2 Обычаев блестящих наблюдатель ○
21 *отсутствует.* ○
22 Я помню вас, детей самолюбивых ○
25 Чуждаюсь их уроков и похвал ○
35 Любовь, свобода, музы угощают ○
41—46 И ты, харит любовник своевольный
Приятный лжец, язвительный болтун,
Попрежнему философ и шалун![2]
И ты на них оставь своих вельмож
И малое число моих приятелей умножь. ○

Д. Разночтения копий и публикаций.

2 Обычаев блестящих наблюдатель *Везде*[3]
14 Где спорю вслух, где чувствую сильнее *А Ал Б$_1$ Блн Гв$_3$ Гк ДшЛ*
16 Чем вялое бездушное собранье *А Ал Алм Б$_1$ Блн БрМ Бх$_4$ Гв$_3$ Гк Дл Дл$_2$ Дш Кв Л Н$_1$ Н$_2$ Пт Т Чб Щб*
20 Где Шеппинг царь и скуки председатель *Алм Бх$_4$ Вз Грч Мв Н$_2$*
21 Где глупостью одною все равны *Пт Р Рт Чб*
22 Я помню их, детей честолюбивых *Ал Б$_1$ ГК Л Т*
— Я помню сих детей честолюбивых *А Блн Гв$_3$ Дш Р Рт*
— Я помню вас, детей честолюбивых *Алм БрМ Дл Дл$_2$ Кв Н$_1$ Н$_2$ Пт Щб*
— Я помню вас, детей самолюбивых *Грч Мз*
— Я видел сих детей честолюбивых *Бх$_4$ Чб*
28 Красавицам изношенным и сонным *А Ал Б$_1$ Л Т Чб*
32 Крутят усы иль шпорами бренчат *А Ал Б$_1$ БрМ Дл Дл$_2$ Кв Л Р Рт Т Щб*
35 Любовь, свобода, музы угощают *Вз Грч Мв Н$_2$ Оф*
— Вино, свобода, музы угощают *Блн БрМ Дш*
— Вино, любовь и музы угощают *Кв Н$_1$ Пт Щб*
— Вино, веселье, музы угощают *Р Рт*
37 Политика смешного лепетанья *Блн Гв$_3$ Дш*
38 Не вижу я украшенных глупцов *А Ал Б$_1$ Бх$_4$ ГК Л Т Чб*
39 Ханжей, невежд, почетных подлецов *Р Рт*

---

[1] *В Дл первоначально:* Безумства жар, веселость, острота
[2] *Ст. 43 Горчаковым пропущен.*
[3] *Только в Н$_1$ как в тексте.*

40 И мистика придворного кривлянья — *А Ал $Б_1$ Блн $Гв_1$ Дш Л Т*

43 Харит и муз любовник своевольный — *Блн $Бх_4$ $Гв_3$ ГК Дш Чб*

44 Приятный лжец, язвительный болтун — *$Бх_4$ Чб*

«НЕДАВНО ТИХИМ ВЕЧЕРКОМ...»

(Стр. 105.)

Черновой автограф.

(ЛБ 64. л. 66 об.)

[Вчера в прохладны<й вечерок>[1]]

*

Недавно тихим вечерком[2]
Пришел[3] гулять я в рощу нашу
И там у речки под дубком[4]
Увидел спящую Наташу
Вы знаете, мои <друзья><?>[5]
К Наташе подкра[вшись] <я>[6]
Поцеловал два раза <смело><?>[7]
Спокойно девица м<оя><?>[8]
Во сне вздохнула покраснела
Я дал и третий <поцелуй><?>
[Она проснуться не ж<елала><?>][9]
Тогда я ей <*нрзб.*>
И тут уже затр<епетала><?>[10]

---

[1] Вчера прохладны⟨м вечерком⟩
[2] Недавно в темный вечерок
[3] Пошел
[4] *а. Начато:* И б⟨лиз⟩ ⟨?⟩
б. И там близ речки за ⟨?⟩ дубком
[5] *Стих вписан.*
[6] *а. Начато:* Подкрался я ⟨*нрзб.*⟩
б. Начато: Въ
в. Сияла на небе ⟨луна⟩ ⟨?⟩
г. Начато: Подкравшись
[7] *а.* Во сне вздохнула
б. Она вздохнула пок⟨раснела⟩ ⟨?⟩
[8] *а. Начато:* Ната⟨ша⟩ ⟨?⟩
б. Наташа хорошо спала
[9] Как будто бы не понимала ⟨?⟩
[10] *Ст. 10—13 записаны после ст. 6.*

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

Лицейские стихотворения, переделанные в 1817—1829 годах и напечатанные Пушкиным.

Стихотворения 1817—1825.

1817.

1818.

1819.

СОДЕРЖАНИЕ

1817 — апрель 1820.

1820.

1821.

1822.

1823.

1824.

1825.

Стихотворения разных годов.

(1817—1825).

Отрывки.

1817.

1818.

1819.

СОДЕРЖАНИЕ

1820.

1821.

1822.

1823.

1824.

1825.

1820—1826.

Коллективное.

1817.

СОДЕРЖАНИЕ

Переиздание осуществлено газетно-журнальным объединением «Воскресенье» совместно с издательством «Известия»

Ответственные за переиздание тома:

С. В. Богачев, Т. В. Войнова, Ю. Ф. Ефремов, И. И. Жуков, В. В. Милюков, Б. С. Миронов, Г. В. Пряхин, Д. К. Соколова, И. А. Тришкин, Л. М. Ульянова, Е. К. Шпикалова.

Факсимильные оригиналы рукописей А. С. Пушкина подготовлены художником *Н. Стольниковым.*

Художественней редактор *Э. Канаева*
Технический редактор *Е. Медведева*
Корректоры *Л. Григорьева, Л. Черняцова*

Сдано в набор 09.03.94. Подписано в печать 21.06.94.
Формат 70×108 1/16. Печать высокая. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Балтика».
Усл. печ. л. 49,7. Усл. кр.-отт. 50,05. Тираж 30 000 экз. Заказ 1139.
ЛР № 010193 от 19.02.92.

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье».
125137, Москва, ул. «Правды», 24.
Телефон для справок: (095) 257-35-00,
факс: (095) 257-33-12.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова издательства «Известия».
Москва, Пушкинская пл., 5.